

Светлана Ланцова

КРАСИВОЕ СЕРДЦЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Светлана Ланцова

Красивое сердце

«Автор»

2026

Ланцова С.

Красивое сердце / С. Ланцова — «Автор», 2026

«Время линейно, как Вы считаете? А есть ли Безвременье — пространство Пустоты, которое никто и никогда не видел?» — спросил однажды некий старик. — «Пусть Вы не согласны, брат, но за звёздами есть иное царство — не Божье и не человеческое. Пётр Алексеевич верил мне. Я точно уверен, что моя жена пришла оттуда. Думаете, я сошёл с ума после её кончины? Отнюдь. Я всегда был таким».(05.07: обновлены и добавлены диалоги в 2, 4, 5 (в конце))

© Ланцова С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Пролог-осьминог	6
Глава I. Стадное чувство	7
Глава II. Душечка	13
Глава III. Синхронизация устройств	21
Глава IV. Песня Пустоты	26
Глава V. Разобранные часы не собрать обратно	31
Глава VI. Суету навести охота	37
Глава	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Светлана Ланцова

Красивое сердце

Предисловие

Это роман, основанный на жизни реально существовавшего когда-то человека. Автор долго сидела в библиотеке и читала всевозможные источники, чтобы сделать всё по красоте, но те детали, на которые не хватило сил, я назову «художественным допущением» и вы с этим согласитесь.

Я не историк, не археолог, не бандит и не солдат, я эксцентричный художник с богатой фантазией.

При проработке истории я опиралась на статьи Ефимова С. В., письма из опубликованного «Архива генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса» (С. В. Ефимов, Л. К. Маковская), «Календарь Брюса», находящийся в свободном доступе в Российской Государственной библиотеке, а также на следующих книгах: А. Толстой «Пётр Первый», А. Н. Филимон «Яков Брюс», Е. З. Баранов «Московские легенды», А. Лызлов «Скифская история», «Русский быт в воспоминаниях современников. XVIII век» от коллектива авторов.

В книге встречаются насильственные сцены, травматизация, сцены сексуального характера и фэнтезийно-магические теории на стыке физики и хатха-йоги, от которых у меня самой кипят мозги.

Приятного прочтения.

Пролог-осьминог

Он парил в бескрайнем космосе, где не видно ни конца ни края. Как на старой киноленте в голове проносились тысячи картинок: обрывистых, выцветших, ярких.

Раньше он чувствовал, что идет по времени, как по прямой дороге в один конец, а сейчас — словно стоит, и одновременно идёт сразу по множествам других таких дорог. Миг для него — мучение, сравнимое с пыткой, когда крысы пожирают ещё дышащее тело.

Кто он, где, как пришёл сюда и почему до сих пор идёт — его больше не волновало. Он не мог вместить в своей душе такой огромный поток информации.

В один момент он взревел. И время, как стеклянная витрина, начало трескаться во всех направлениях.

Всё, чего он теперь хотел — это хотя бы на миг вернуться назад. Туда, где всё было хорошо.

Глава I. Стадное чувство

Когда-то очень давно во времена царствования Алексея Михайловича 11 мая 1669 года по юлианскому календарю родился прелестный мальчик Яшенька. Он стал третьим ребёнком в семье шведского полковника на русской службе и такой же «русской немки».

У его родителей была довольно увлекательная история любви.

Вилим Брюс, подданный английской короны, а также потомок шотландских королей, переехал в Царство Русское за золотом и землями, которые даровались за хорошую военную службу. Он добился немалых успехов на своём поприще, но был вынужден уйти в отставку, получив серьёзное ранение.

Спустя пару лет Вилим встретился с пленительной и очаровательной вдовой полковника Инглиса, Элизабет.

— Сочувствую Вашей утрате, — говорил он, целуя руку даме в траурном платье.

— Благодарю, — молодая, белокурая женщина с длинными ресницами смотрела на него исподлобья, будто оценивая.

У Элизабет к тому времени уже был трёхлетний сын Андрей и приёмная дочь Елена, имевшая собственную семью с Николаем Ивановичем Балком. Но дети не остудили пыла страсти — вдова Инглис была молода, красива и имела уютный особняк на берегу реки.

Когда закончился траур по первому мужу, влюблённые сыграли свадьбу и родили троих детей одного за другим. Первой была дочка Елизавета, в честь мамы, вторым родился Роман, ну а третьим появился на свет Яков. К сожалению, семейное счастье продлилось не так долго, как хотелось бы. Из-за обильного кровотечения роженица скончалась вскоре после того, как смогла взять младшего сына на руки.

Вилим остался один с четырьмя детьми. Он их выходил, поставил на ноги, а потом... может, годы взяли своё или старая рана дала о себе знать, но в 11 лет Яшенька остался сиротой.

Елена взяла детей под своё крыло и много помогала, в том числе и с тем, чтобы дети получили хорошее образование и выучили русский язык несмотря ни на что. Андрею Инглис к этому моменту уже было 15 лет и под протекцией родной сестры он поступил на службу в регулярный полк её мужа.

Никто этого не говорил, но все знали, что царь Фёдор III скоро умрёт, так как он был крайне болезненным мальчиком, и потому многие делали ставки на других наследников. Семейство Балк сделали на Петра Алексеевича. И оставались при своём даже когда все судачили, что царевна Софья ни за что не отдаст власть.

Через год после венчания на царство двух новых правителей, Елена отдала приёмных братьев в потешные войска.

Царь болтал со многими на учениях. В особенности интересно ему было вести разговоры с иноземцами, проживающими в Кукуе.

— Как звать?

— Яков Брюс, Ваше величество.

— Новенький верно? — Пётр отмахнулся от него с беззаботной улыбкой на лице, — Будь проще, оставь титулы для бояр, — И видно заметив, как Брюс несколько рассеянно и заворожённо глядел на стрельнувшую за их спинами пушку, добавил. — Нравится — изучай. Прок будет от твоей страсти.

— Так точно.

За время службы Брюсы успели поучаствовать в обоих Крымских походах и заработать неплохие деньги, а также получить собственные поместья. Ребята уже к тому времени полностью встали на ноги и с большой благодарностью покидали дом Елены Балк. Примерно в это

же время их сестра Елизавета вышла замуж за полковника Джона Трейтона и счастливо жила в новом доме.

Однако не всё было гладко.

— Указ пришёл. Стрельцы подняли бунт, царь требует отряды прибыть в Троицкий, — братец Роман вернулся в казармы весь запыхавшись, — Гордон созывает, поднимайся.

Яков, несколько щуплый, долговязый молодой человек, до этого спокойно читающий книгу, молча встал с места и последовал за братом.

Чисто по-человечески, Пётр Алексеевич нравился Якову гораздо больше, чем сварливая царевна Софья или молчаливый амёбный Иван V.

После успешного подавления бунта братья начали служить непосредственно Петру.

За эти годы Брюс пережил немало. У него появилось так много прозвищ, что он запросто мог бы сыграть ими в «Три в ряд»: Брюс-арифметчик, Птенец гнезда Петрова, Наследник рода шотландских королей, колдун с Сухаревской башни... и это только малая часть.

— Премилостивый государь Яков Вилимович, а не промышляете ли Вы некромантией? Я слышал, у Вас в кабинете что-то ухало.

— А Вы как думаете? — хитро улыбался Яков, скрываясь за поворотом.

Брюс не подтверждал и не отрицал, забавляясь таким догадкам — отсюда и ворох слухов.

На старости лет он жил в своей подмосковной усадьбе в Глинки и занимался исследованиями. «Творил брюсовскую магию» — по слова крестьян, проживавших на его территории, а также приезжих гостей.

Уже чувствуя дыхание смерти на устах, Яков всё меньше времени проводил в лаборатории и всё чаще спал. Поговаривали, будто он сошёл с ума: бормотал себе под нос тарабарщину, предпочитая сидеть у окна, бесцельно наблюдая за небом.

— Чайку бы... — его домашний халат был завязан небрежно, потому как его всё равно пришлось бы сменить перед сном. Однако волосы и ногти были ухоженными, будто бы Брюс пытался сохранить частичку былого величия. — Скоро присоединюсь к тебе, подожди ещё немного.

Ветер словно принёс ему желанный ответ, потому что старик вдруг закашлялся и ответил с улыбкой:

— Прости, я уже не могу...

И этим же днём, 30 апреля 1735 года, его душа покинула тело ровно в полдень.

Некто с рогами и копытами, подобно сатиру из древнегреческих мифов, витал перед огромным стеллажом со множеством маленьких окошек. Эти окошки были размером с ладонь и походили на миниатюрные алтари для поклонения предкам.

В пространстве вне времени в подобных окошках находилась пустония, материя, переходящая из раза в раз в разные природные объекты. Будь то люди, деревья, птицы, бактерии или насекомые — пустония могла стать кем угодно и когда угодно. В пространстве Пустоты, относящейся к Млечному Пути, не было как такового понятия времени или пространства, оно существовало над всеми вместе взятыми. За исключением мелких астероидов с крошечными формами жизни, Земля была самой оживлённой планетой — потому что именно на ней пустония прижилась лучше всего.

Для существования пространству Пустоты было необходимо, чтобы пустония находилась в вечном круговороте — уходя, изменяясь, а затем возвращаясь назад и снова уходя. За тем, чтобы цикл был нерушим, следили Аспергиусы. Являясь на Землю от силы пару раз, они успели стать вдохновением для древних писателей, скульпторов и поэтов, и оставили свой след в качестве литературных персонажей под названием «сатиры».

В настоящий момент один из Аспергиусов, миниатюрный сатир с золотыми искрами, украшающими рога, проверял «точку входа» одной из ячеек. «Точкой входа» Аспергиусы называли момент, в который пустония находилась на Земле, например, будучи человеком или животным. Сама по себе ячейка была как коробка с конфетами: внутри, как на золотистой пластиковой формочке, лежали красивые шоколадки, каждая на своём месте, и среди всех можно было выбрать любую, по порядку или в разнорядной.

И конкретно в той точке входа, что он осматривал, была проблема.

— Кур-р-р ла ц-ц-ц-ц-ц?! (Что за чёрт?! — из горла Аспергиуса раздался утробный вой, когда он просунул морду в ячейку и попытался проглотить кружащуюся в ней фиолетовую воронку, напоминающую чёрную дыру.

Пустония не вернулась в пространство. Она осталась на Земле, кружась в бесконечном повторяющемся цикле, будто сошедший с тормозов поезд.

— И-ну-у... Э-мэяо э... Я-я-ляо?! (Кошмар, когда это произошло?!)

На крик подлетел ещё один Аспергиус, но уже с чёрными искрами, обрамляющими рога:

— А-ам? (С ячейкой всё хорошо?)

Золотистый Аспергиус шикнул и, быстро спрятав ячейку за спиной, нервно пропел что-то в ответ:

— Хеееи и-и-ийна! (Всё просто прекрасно!)

— Ууута-а-а (Отлично), — существо с чёрными искрами на рогах удовлетворительно кивнуло, после чего растворилось в дымке.

Оставшись один, золотистый Аспергиус медленно скатился в туманную расщелину, лихорадочно пытаясь понять, что же делать. Если бы у него были потовые железы, то сейчас он бы сидел весь мокрый.

— Э-э-эн мэ а... (Есть же та ячейка...) — он вдруг взлетел, взбудораженный своей идеей, и пулей метнулся к определённой точке. Пролетев сквозь темноту и беспросветные потоки времени, он оказался перед маленьким окошком, левитирующим перед ним как лепесток цветка. Внутри ячейки пустония билась мерно и степенно. Аспергиус засунул морду и выбрал ближайшую от фиолетовой воронки точку входа. Он тут же исчез, оставив после себя дождь из золотых искр.

Даниэла гордилась тем, что её имя звучало аристократично, и одновременно ненавидела за то, что все сокращали его как «Даня», «Нутела» или «Эля». Впрочем, никто уже давно не смел называть её глупыми прозвищами.

Она привлекала много внимания из-за своей внешности и темперамента, потому как выглядела словно хрупкий цветок на вершине горы, на который подуй — и он умрёт. Но стоило этим людям узнать, что под снегом на вершине, вообще-то, кладбище альпинистов, то становилось ясно, что живой цветок в таких условиях ещё более загадочен, чем существование Йети.

Даниэла довольно тихая и замкнутая. С детства замирала, глядя в одну точку, словно высматривая что-то. Оружие и ножи казались ей успокаивающими, а нападки хулиганов в родном городе — чем-то, не стоящим внимания.

Семья называла её сумасшедшей. Старший брат верил, что она живёт не по канонам божьим и постоянно отчитывал, младший — боялся, что если скажет ей лишнее слово, то завтра не проснётся, а младшая сестра просто следовала примеру остальных. Она была пока слишком маленькой, чтобы понимать хоть что-то и если раньше Даниэла общалась с ней, то после науськиваний старшего братца девочка стала её сторониться. Родители ничего не делали — главой дома был «Кирюша», и точка. А раз она не следует урокам правильного поведения, то дочь из неё плохая.

После переезда в большой город и поступления в институт семья разорвала с ней все связи. Будто то их нежелание иметь с ней дело или ещё что-то, Даниэлу это не волновало. Она считала, что ей дали достаточно и сожалеть о том, что уже произошло, не за чем.

Но это всё — дела минувших лет. Даниэла уже отучилась на историческом факультете в известном вузе страны и сейчас писала диссертацию на соискание докторской степени. Леонид Иванович посоветовал ей писать по теме личной жизни военачальников:

— Это довольно популярное направление для исследований сейчас. И разве вам, девушкам, не нравится копаться в чужой личной жизни?

Даниэла даже бровью не повела, продолжая рассматривать синхроничные рисунки на поверхности стола:

— Не нравится.

— Ладно, ладно, прости, Данечка, не хотел тебя задеть, я не это имел в виду. — Леонид Иванович закружился вокруг неё, словно курица-наседка. Всё же выпускница с красным дипломом, любимица преподавателей, в том числе и их завуча. — Просто тема то правда интересная... Быт военачальников мало исследован, есть письма, какие-то очерки, но написано работ мало. Напишешь парочку статей. Разве не здорово?

— Эпоха не важна?

— Бери 16 — 18 век.

— Хорошо.

Даниэла наугад выбрала период правления Петра I, остановив свой выбор на... одном человеке, любящем звёзды. Однажды, проезжая мимо станции «Сухаревская», она вышла наугад и подошла к старинной башне с часами... Ага, конечно. Башни не было уже давно — снесли из-за того, что планировали строить там автомагистраль. Сейчас на месте башни стояла каменная Стелла архитектора Власова с надписью: «На этой площади находилась Сухаревская башня, в которой с 1701 по 1715 г размещались навигатские классы — первое светское учреждение, готовящее кадры для флота и государства».

Тюльпаны, тюльпаны, ещё тюльпаны, мемориальная стена Визбору — вот и всё, что было на этой площади. А башни — нет.

Даниэла шла по улице, смотря то на старинные фасады по обеим сторонам дороги, то на каменную кладь, и отчётливо чувствовала... Что Москва совершенно другая. Не та, что была тогда. Откуда такое чувство — что ж, у многих бывает «жаме-вью» — ощущение, что вы уже видели что-то, чего на самом деле никогда не видели.

Но несмотря на первоначальное расстройство, интерес никуда не пропал. Легенды, окутывающие это строение в Петровские времена, её крайне привлекали. А, соответственно, и человек, из-за которого Сухаревскую башню окутало так много легенд. Да и материала по нему одновременно достаточно, и одновременно нет.

Пока она тупо стояла, пялясь на Шереметьевский особняк под другую сторону дороги, кто-то не преднамеренно толкнул её. Даниэла услышала поспешные извинения, но её мало это интересовало. Бросив вслед: «Не беспокойтесь», она направилась в обратный путь.

Прошёл сезон. Будучи на раскопках, Даниэла писала понемногу каждый раз, когда выдавалась свободная минутка.

Сидя на корточках под массивной каменной стеной, она листала интересные статьи, книги, выделяя ключевую информацию. Больше всего информации скопилось во времена Северной войны, а вот что было раньше и позже — сомнительно. Есть легенды, байки Баранова, да пара — тройка слухов. Сомнительно, но допустим. Если складывать зерно в башенку, то через год что-то да получится.

Собрав всё воедино, Даниэла часами проводила в библиотеке, штудировав книги, а также изучая те многочисленные источники в конце каждой из книг и статей про военачальника.

Информации было много, но менять она ничего не хотела. Если этот человек был недостойн таких усилий, то никто не был.

Яков Вилимович Брюс или Джеймс Дэниэл Брюс как он был более известен за границей. Один из величайших сподвижников Петра I, уважаемый генерал-фельдцейхмейстер и глава Приказа Артиллерии. Ради интереса загрузив его портрет в нейросеть, она с удивлением осознала, что в молодости Брюс был очень даже красивым.

— Посмотреть бы, как ты выглядел на самом деле, — тыкнув в экран, она откинулась на спинку кресла, вздыхая, — Не могу же я включить эту картинку в диплом?

Умер Брюс бездетным, будучи всю жизнь верным одной женщине — Марфе Андреевне. Даниэла могла бы подумать, что это романтично, но про себя привыкла считать, что это вызвано лишь тем, что у него было недостаточно времени, чтобы проводить его с большим количеством куртизанок. Её старший брат Кирилл встречался с одной, но любил другую, успевая порицать третью, так что подобное мнение у Даниэлы было обо всех, пусть и великих, мужчинах. Не то чтобы они ей что-то сделали, просто её брат был слишком большим подонком.

Упорядочивая даты для сводной таблицы, Даниэла также заметила, что по юлианскому календарю Марфа Андреевна ушла из жизни 30 апреля 1728 года. Если пересчитывать на наше время, то получится 11 мая. День, когда Брюс родился. А сам Брюс умер 19 апреля по старому календарю, то есть 30 апреля по нашему. Путаница в датах огромна. Даниэла сразу почувствовала, что нашла себе развлекаловку на пару дней:

— Забавно. У нихразница в датах смерти в 11 дней, что является временем разницы при переводе на новый календарь. Если считать, что Брюс умер по нашему, а Марфа — по юлианскому, то... они умерли в один день. — улыбнувшись, она соединила несоединимое и была крайне счастлива, что получилось так красиво и складно.

Прочитав их письма, а также личные переписки со слугами, семьёй, Даниэла ещё больше увлеклась. Марфа Андреевна ей показалась довольно милой и дружелюбной женщиной, а Брюс, в свою очередь, саркастичным, умным и нагловатым.

— Однако же это официальные письма, кто бы стал расслабляться, зная, что их могут вскрыть в любой момент? — Даниэла задумчиво перелистывала присланные документы, — Верить или нет? Думали ли они настолько наперёд или нет? — затем она проверила время и смолкла, — Пора.

Выйдя в полдень, она взяла только телефон и ключи от комнаты в общежитии. Небо ещё было светлым, а ветер — прохладным.

Сегодня Даниэла посетила магазин похоронных украшений «Тянью». Когда она зашла в магазин, зазвенел колокольчик над дверью. У левой стены выстроилось девять могильных камней с разной гравировкой и разных размеров и форм, видимо, как примеры работ, а на них были чёрно-белые фотографии красивых женщин и мужчин. Даниэла из интереса всмотрелась и усмешкой отметила, что из слогов их имен получалась странная песенка: «Синий цепень в Кимикане режет чили как луну». Пока она смотрела на это, к ней подошёл продавец и поинтересовался, забрать ли она заказ или что-то приобрести. Даниэла достала бумажку с номером заказа и забрала именной веночек, не полноразмерный, он должен стоять на могиле рядышком.

С посылкой она вышла на улицу и пока было не сильно морозно, решила прогуляться. Выйдя на randomной станции метро, она долго шла по улицам, не глядя в карты, и в конце концов дошла до небольшого сквера возле Стеллы. Не то, чтобы она шла до неё специально, просто так вышло, что с определённой улицы она помнила дорогу. Пока пишешь о чём-то, мозг будет привлекать твоё внимание к тем вещам, на которых ты так сконцентрирована.

Теперь же Даниэла стояла, погружённая в одиночество посреди шумной улицы. Холод закрадывался в рукава и под подол пальто, но не достигал сердца. Даниэла была счастлива этой абсолютной тишине в ушах и даже не сразу поняла, в какой момент начала слышать колокольный звон. Тяжёлый, массивный колокол прозвонил три раза, а маленькие металлические

язычки, будто безумные перепёлки, бились о стенки быстро-быстро, с каждой секундой ускоряясь. Сто, двести... триста. Они пробили ровно триста тридцать три раза, после чего окончательно стихли.

Даниэла почувствовала, что земля пропала из-под ног и она повисла кверху тормашками в белом пространстве, у которого нет выхода и входа. Пока она пребывала в трансе, её сердце пронзила острая боль, будто оно замерзло в вековом льду и тут же оттаяло.

Осколок, пронзающий её мозговые струны — последнее, что Даниэла запомнила.

Глава II. Душечка

Очнулась Марфа на мягкой кровати. На своей кровати, на минуточку. Но сам факт того, что её это изумило, заставил девушку встать и осмотреться.

— Что происходит?.. — она задумалась, глядя на свои холёные руки. В голове творилась каша.

«Я попала в прошлое? Я пришла из будущего?» — эти две мысли смешались в голове, сбивая с толку. Она явно Марфа Андреевна, при рождении Маргарита, старшая дочь генерала Генриха Цоге фон Мантейфеля, но в голове также настойчиво сквозило и другое имя — Даниэла. В одном глазу будто бы светились небоскрёбы в неоновых огнях, а в другом — тихие, голландские улочки и река Чечёра, переливающаяся всеми цветами радуги на закате.

Скоро у неё смотрины с неким многообещающим офицером, которого выбрал для неё отец и сам царь. Она лишь слышала о нём и, может, видела в детстве, но это воспоминание было таким смутным, что не позволяло помнить детали. Но почему-то Марфа была уверена, что выйдет за него замуж уже этой зимой, родит двух девочек, обе из которых долго не проживут, и затем умрёт от болезни в 1728 году.

— Что происходит? Почему... я... — прошептала Даниэла. Всё же она решила называть себя именно так, ведь у нынешнего тела было как русское, так и иностранное имя, и она сама начала путаться, как обращаться к себе.

Даниэла подумала, что переохладилась и сейчас грезит во сне, пока её тело лежит в больнице. Она подошла к зеркалу. Бледные руки, фарфоровая кожа, карминно-красные губы и нежные черные локоны, ниспадающие на пышную грудь. Она выглядела как кукла, несколько неземная и хрупкая.

— Я раньше не видела её портретов, но теперь, видя это лицо в зеркале... Она так похожа на меня. Или я на неё?.. — внезапно у Даниэлы задергался глаз. Её внутренний мир пребывал в полнейшем хаосе и от наплыва мыслей голова раскалывалась. Она читала парочку романов о попаданцах, потому что этот жанр был популярен в последнее время, но даже там она никогда не сталкивалась с тем состоянием, что испытывала сейчас.

Она жила в Немецкой слободе... нет, в Кукуе, всю свою жизнь. И также помнила, что всю жизнь жила в маленьком городке и потом переехала в Москву на учёбу. Обе жизни — одна сейчас и одна тогда — прокручивались в её голове одновременно, как две параллельные прямые. В тех местах, где эти линии как бы пересекались, било током. Она не понимала, почему всё такое реальное, и что из этого фальшивое — Даниэла или Марфа-Маргарита, кто из них сон, а кто явь, и почему это происходит с ней сейчас.

— Сини це цяо кими ренжи чи лунг!.. (Желаю оказаться в том месте, о котором я думаю!..) — воздух рядом с Даниэлой вдруг развергся, и из ничего появился золотистый Аспергиус — размером с крупную кошку, с козлиными ногами и искрами, стекающими с рогов, как мёд.

Хранитель пустонии издавал незнакомые, но одновременно знакомые звуки, обретающие смысл прямо в её голове:

— Ани-и-и ауу-ннээ-ы! (Ты не спишь, отлично, а то я боялся, что совмещение займёт больше времени!)

Даниэла молча разглядывала его. Станный и несуразный, с кривыми лапками, вытянутым мышинным носом, широкими ослиными глазами и со вздернутыми вверх ушами. Он весь светился, словно новогодняя гирлянда, и испускал золотую пыльцу, будто феечка какая.

— Ма-а ленне мо? (Молчишь? Не знаешь что сказать перед мой?)

— Я и правда не знаю, что сказать. — Даниэла отошла на шаг и как можно более незаметно схватила со столика тяжелый ларец.

Аспергиус неудомённо моргнул, уставившись на неё своими вертикальными зрачками:
— Э-э-у? (Ты... не боишься?)

— Боюсь. Я сейчас дико напугала, разве ты не видишь этого? — Она сделала ещё шаг назад и оступилась. Ларец вылетел из скользких пальцев, позвякивая драгоценностями. — Что ты такое? На каком языке ты говоришь и почему я его понимаю?

— Ку-у-у мэ-э аспергио-о-о. (Я Аспергиус. Мы следим, чтобы пустония сохраняла баланс.)

— «Пустония»? Баланс?

— Станои-и ёо-о-о (Из-за одного происшествия мне пришлось объединить твои ближайшие точки вхождения в одну), — он отвернулся, ковыряя веточкой в ухе, — Ни-и-и м-м-м лы-ы-ы (Девушкам этого века сложнее объяснить такие вещи, как время и пространство, так что пришлось привести ещё и твоё сознание из 2028 года.)

Даниэла сначала не поверила, шокировано уставившись на него:

— Что за бред ты сейчас говоришь?!

— Шу-ууу х-хх Да-ра-лала ца-цаца м-илия ливи-я. (Успокойся. Эм, если вкратце, то ты не вернёшься домой, пока не устранишь проблему, возникшую с ячейкой пустонии Да-ра-лала ца-цаца м-илия ливи-я.)

— Да ра-лала ца-цаца м-илия ливи-я — это строчка песни?

— Но-оод р-р-раааа ээээ-э (Хм... значит, название ячейки ты слышишь настоящее. Что ж, учту. Да. Для людей наш язык и правда звучит как пение), — он кивнул, — Так лучше?

— Если объяснишь, что происходит, то как будто бы без разницы на каком языке ты мычишь.

— Как грубо! Я же ради тебя стараюсь!

Расправив платье, Даниэла села на кровать и закинула ногу на ногу, скрестив руки на груди. Судя по поведению этого подозрительного создания, навредить он ей прямо сейчас не хотел, однако её внезапное перемещение во времени связано с ним.

— Я слышала колокол перед тем, как попасть сюда. Твоих рук дело?

— Частично да, частично нет... Меня не было с тобою, когда это произошло, и также мне не ведомо, как именно пустония... то есть, твоя душа восприняла перемещение. — Аспергиус неловко отвернулся, махая копытцами. — Мы такого обычно не делаем... Наверное, каждый слышит по-своему.

— «Наверное»? — Даниэла чуть склонила голову, прикрыла глаза и ее ресницы трепетали, как крылья бабочки, и было непонятно спит ли она или внимательно слушает, — Поняла. Неужели ты правда облажался и теперь пытаешься что-то исправить, привлекая к проблеме третьего лишнего?

— Я.. я не говорил такого!

Девушка спокойно посмотрела на него:

— И не надо. Я читаю твои мысли.

— К-как?! Нет, это ошибка перемещения?! Я не хотел тебя обидеть, правда, но... ме-е-е ол-оо ммм-ый. (...мне очень нужна твоя помощь.)

— Шутка, — Даниэла вскинула бровь, — Я не слышу твои мысли, просто догадалась. Так ты объяснишь, что происходит?

Аспергиус тяжело вздохнул и наконец начал объяснять:

— Возникла проблема с душой человека, который в этом временном отрезке известна тебе как «Яков Вилимович Брюс». Мы были вынуждены прибегнуть к помощи извне и привлечь агента из-за предела царства Пустоты. Этим агентом оказалась ты.

— И что же я должна делать? Что за царство Пустоты? Кто мы?

— Не... не перебивай! Не всё сразу! Ты должна помочь вернуть судьбу Брюса к нужному концу и выяснить причину временной петли. Время для него нелинейно... ну, кое-что произошло.

Даниэла выразительно уставилась на него:

— Знакомо. То же самое чувствую я. Всё-таки...

— Это... это не так! — Аспергиус залетал по кругу, нервно размахивая хвостиком, — Я правда ничего не делал! Случайно, может, задел что-то, но всегда же всё было нормально, мы часто контактируем с ячейками?!

— Меня не спрашивай, я не знаю. — Даниэла поджала губу и отвернулась, ей было неприятно наблюдать за таким бурным эмоциональным всплеском, — И лучше не продолжай.

— Почему? — слезливо спросил Аспергиус, рыдания его могли сравниться с концертом в самой крупной консерватории, — Я... я знаю, что между людьми важна честность в отношениях и мне бы тоже хотелось...

— Я же сказала — не продолжай! — взревела Даниэла, нервно потирая собственные плечи. От вида его слёз у неё разболелся живот. — Я узнаю детали в процессе. Скажи лишь, что будет, если у меня не получится.

Золотые искры покрыли кончики глаз зверька и слёзы исчезли сами собой. Да и он сам будто бы очистился ото всех эмоций — сделав лучший выбор, на который только был способен:

— Всё исчезнет и воцарится хаос.

— Как это... всё исчезнет? — впервые с начала диалога Даниэла выглядела искренне напуганной. Сжав покрывало до скрипа кулаков, она задержала дыхание, внимательно слушая ответ.

— Пустотия поглотит сама себя из-за чего концепция «мира» или «времени» перестанет существовать. Если ты умрёшь здесь, ты всё ещё сможешь вернуться в 2028 год, но если умрёт время — ты никогда и не появишься, да и «ты» вообще не будет придумано. Ничего не будет. Пустота без порядка — это хаос, — проговорил он мрачным, тяжёлым голосом. Искры засверкали тёмным блеском.

— Ясно, — только и сумела выдать она. Со стороны Даниэла выглядела замороженной глупышкой, но внутри её уже пронзили ядовитые шипы страха. — Но разве вмешиваясь в историю, я не изменю всё настолько сильно, что в будущем всё изменится?

— Нет. Раз ты здесь, это уже учтено в будущем, из которого ты пришла, и вся известная тебе информация — это дела твоих будущих дней.

— То есть... мои дети не смогут вырасти ни при каких условиях? И я не смогу создать лекарство от своей болезни, опираясь на знания будущего?

— Сочувствую, но нет.

— Но как же я заболею? Я явно здорова... И в моей семье хорошая наследственность... — тихо спросила Даниэла, тупо уставившись в пол.

— Этого мне не известно. — покачал рогами Аспергиус.

— В твоих словах логическая дыра. Как же я могу тогда помочь, если будущее уже предопределено? Разве это не замкнутый цикл?

— Это... — тут серьёзность хранителя «сдулась», — Я не знаю точно. Просто чувствую, что ты можешь помочь.

— Ха...

— Но не переживай! На самом деле, сам факт того, что ты здесь, заставляет время течь линейно, пусть и только в этом коротком отрезке.

Аспергиус было хотел сказать больше, но тут в покои постучали.

— Государыня наша, Марфа Андревна, Андрей Исакович зовёт Вас вниз! — раздался приглушённый юный голос из-за двери.

Даниэла запоздало поняла, что до того, как два её сознания из разных эпох соединились, она выгнала всех из комнаты, чтобы в сокровенном уединении подготовить себя ко встрече с будущим женихом. Но глядя на своё растрепанное нижнее платье, босые ноги и короб с разбросанными бусами на полу, она понимала, что полностью провалилась с подготовкой.

Не услышав ответа, в комнату вошла служанка Соня, девочка-подросток с очаровательными веснушками:

— Государыня! Почему же Вы до сих пор сидите здесь? Вам надобно переодеться, Яков Вилимович уже ждёт...

Аспергиус исчез также внезапно, как и появился, бросив напоследок: «Позови, как будешь свободна!». Даниэла же использовала трюк опоссума — притворилась мёртвой, чем ещё больше переполошила служанку. Соня засуетилась и позвала ещё двух девушек. Они втроём расторопно подняли хозяйку на ноги и усадили за туалетный столик. Девушки помогли снять домашнее платье Даниэле, затащили на талии корсет, привели в порядок причёску, убрав волосы в высокий пучок, а затем закрыв их чепцом с алой лентой.

Даниэла немного пришла в себя только когда заметила, что дышать стало труднее.

— Можно же и в домашнем. Обязательно ли так наряжаться?..

— Марфа Андреевна, что же Вы такое говорите?! — наперебой загалдели девушки, — Вы, естественно, должны выглядеть так, чтобы и нареканий у молодого офицера не возникло!

— Будь так.

Затем на неё надели светло-синее платье с пышной юбкой и глубоким V-образным вырезом. Напудрили щёки, подкрасили губы и отбелили лицо. Даниэла чувствовала себя единственной уцелевшей куклой в детском саду.

— Поспешим, поспешим!

Выкрикнув это, они быстро, но осторожно вывели под руки хозяйку и провели по лестнице в огромную по современным меркам залу. Высокие окна с южной стороны выходили на оранжерейные палаты, стены — метров шесть в высоту — были обиты тёмно-зелёным сукном. У камина на стульях и на диванчике лежали подушки, шитые серебряной нитью.

Служанки в последний раз поправили волосы Даниэле на спуске с лестницы и удалились к палатам — как раз перед приездом молодого Якова Вилимовича затопили печи, чтобы они могли познакомиться в приятной обстановке.

Пока Даниэла стояла у стены, к ней подошёл отец — Генрих Цоге или Андрей Исакович по-русски — и с довольной улыбкой на лице подал ей руку:

— Моя прекрасная дочь, вот и ты. Позволь представить тебя Якову Вилимовичу, нашему доброму соседу. Сейчас ему двадцать пять лет, он дослужился до звания майора, пусть официально этого ещё и не объявили. Его Величество крайне его ценит и везде берёт с собой. Поздоровайся с гостем.

— Вы слишком расхваливаете меня, генерал Мантейфель.

Пока Андрей Исакович это говорил, с дивана, который стоял спиной к Даниэле, поднялась высокая статная фигура.

Он был высокий — даже слишком высокий для этого времени. Тёмные волосы собраны в хвост на затылке. Одет просто, но со вкусом: тёмно-зелёный кафтан, кружевное жабо, шпага на портупее.

У Даниэлы пересохло в горле, увидев его лицо. Похоже на то, что создала нейронка, но... во сто крат лучше. Гладкие, округлые контуры лица, в уголках глаз застыли морщинки, по которым сразу было понятно, что молодой человек любил улыбаться. Широкие, невинные глаза, похожие на матовые зелёные стеклышки. Прямой нос, щёчки, румяные с улицы, чуть округлый подбородок. Полные губы с изящным луком купидона.

Даниэла распахнула рот, не зная, что сказать. Она вдруг настолько засмушалась, что всё, что ей удалось сделать, это резкий вдох и закашляться.

«Я влюбилась. Как он может быть так прекрасен? До этого я не знала, как выглядит мой типаж, но теперь знаю... Это он. Боже. Этот человек знает 14 языков, потомок шотландских королей, умный, образованный, заслужил признание Петра как в сфере науки, так и в военной... и родители умерли в раннем возрасте. Я что, сплю? Мы действительно поженимся?»

В то время как Даниэла пялилась на Якова, он спокойно разглядывал её, чуть улыбаясь краешками губ — скорее из вежливости, чем из-за настоящего воодушевления. Его взгляд казался тёплым несмотря на светлый оттенок глаз, может потому, что радужки были насыщенно тёмные, будто наполненные дымкой или серым туманом. Подойдя к девушке, он произнёс низким, медовым голосом:

— Марфа Андреевна, доброго вечера вам. Слышал о вас хорошего много, — заложив одну руку за спину, а вторую — чуть ниже груди, Брюс отвесил стандартный поклон. Генерал, наблюдавший за молодыми людьми со стороны, довольно кивнул. Раз его дочери понравился юноша, то можно сразу устроить брак. Он уже думал о том, кого пригласить на празднество, и скомандовал прислуге провести пару в оранжерейный палаты, где уже было подготовлено всё для чаепития.

— Слышать лестно, государь Яков Вилимович. — Даниэла наконец взяла себя в руки и сделала ответный реверанс.

— Окажите мне честь сопровождать Вас на прогулке по саду, — он протянул ладонь в перчатке, а Даниэла осторожно вложила свою руку в его. Сердце билось как бешеное, и даже чуть слезились глаза. Под её взволнованным взглядом Брюс поднёс руку к губам и поцеловал кончик своего большого пальца. Со стороны Даниэлы это выглядело так, будто он нежно склоняется над её рукой, оставляя кусочек ангельского присутствия на светлой ладони.

Оранжерейные палаты располагались в пятидесяти метрах от главного особняка — и молодые прошли этот путь молча. Среди апельсиновых деревьев и ярко зелёных кустарников располагался аккуратный столик на витиеватых ножках. На нем уже стояли две чашки тёплого чая и печенье. О том, что в комнате присутствовали служанки напоминал лишь шорох за ширмой, стоящей в углу, подальше от взора гостей.

Яков подошёл к стулу дамы и отодвинул его одной рукой:

— Прошу, садитесь.

— Благодарю, многоуважаемый майор.

— Не будьте так отчуждены, всё же мы в скором времени мы можем стать семьёй, — с хитрой улыбкой на губах он сел напротив, поставив шпагу рядом с ближайшим кадком[1].

Даниэла на время закрыла глаза, пытаясь привести свои чувства в порядок. Это тонкое заигрывание прошло мимо неё — девушка подумала, что он так угрожает ей. В обычной ситуации она бы просто проигнорировала человека, но... ей была даже приятна такая угроза. Размышляя об этом, девушка просто-напросто забыла ответить, из-за чего молчание затянулось.

Брюс продолжил разговор лишь тогда, когда девушка наконец открыла глаза:

— Как вы уже слышали от Вашего отца, я служу при государе нашем царе Петре Алексеевиче и часто буду находиться в разъездах. Если станете моей женой, нуждаться ни в чём не будете, у вас всегда будут лучшие наряды и украшения.

— Вы говорите о том, что вам нужна жена для статуса? — запоздало ответила Даниэла. Несмотря на то, что она уже бесповоротно и трепетно влюбилась в этого мужчину, сталь в её голосе, появившаяся также резко, как исчезла всякая трепетная нежность, пришла естественно, — Осмелюсь предположить, что на Вашем браке настаивает сам Пётр Алексеевич. Я слышала от отца, что в скором времени планируется поход на Азов, и раз вы служите при Петре, обязательно будете участвовать, так что такой спешный поиск жены может быть вызван лишь условностью. Может, государь наш переживает, что Вы однажды захотите уехать из страны и вернуться на родину?

Брюс приподнял бровь, явно удивлённый тому, что услышал, а затем рассмеялся, отчего на щеках появились милые ямочки:

— А вы умеете удивлять. Не думал, что барышня вашего возраста будет думать о таких вещах, — он взял чашку и, сделав осторожный глоток, задумчиво посмотрел в сторону, — Не буду скрывать, Вы правы, Пётр Алексеевич уже лично наказал, что хочет сидеть на моей свадьбе на месте почившего отца этой же зимой и лично благословить нас с супругой. Но в одном вы не правы.

— В чём же?

— Пусть корни мои не здесь, но я родился в Кукуе, вырос здесь и учился как русский. Моя мама умерла во время родов, отец тоже покинул нас с сестрой и братьями когда мы были в нежном возрасте. Меня воспитали добрые соседи и я не видел Шотландскую землю. К тому же, моя прелестнейшая и любимейшая сестра Елизавета Вилимовна умерла в апреле этого года и была похоронена рядом с нашими родителями. Я не собираюсь уезжать из страны, где свой последний день встретили самые близкие мне люди, и как никто другой считаю это место своим домом. Но раз царь хочет оказать мне честь и свести с такой хорошей девушкой, я не могу быть невежливым.

— Ясно, — Даниэла опустила глаза, на её лице застыла маска спокойствия.

Брюса позабавил её краткий ответ, потому он заглушил улыбку за чашкой чая.

— Рад, что мы поняли друг друга. Если у вас нет никаких возражений, то тогда сразу после нашей беседы я пойду к Вашему батюшке Андрею Исаковичу просить Вашей руки.

— Хорошо, — также спокойно ответила она, внутренне ликуя.

«Я понравилась ему, да? Или нет? Даже если ему всене непременно надо жениться, вряд ли бы такой уважающий себя человек, как Брюс, стал бы просить руку несимпатичной ему девушки. Я ему точно понравилась. Он такой милый».

Они посидели в оранжерее ещё какое-то время, в основном обсуждая погоду и сплетни столицы. Когда печенье закончилось, Даниэла вытерла рот платком и изъявила желание уйти. Встав первым, Яков также как и в первый раз подал даме руку. Служанки тут же выбежали из-за ширмы: одна начала собирать посуду на поднос, а вторая подала Брюсу шпагу.

— Tack. Thanks[2]. Спасибо.

— Вы хвастаете своими познаниями? — хмыкнула Даниэла, проходя вперёд к выходу.

— Когда офицер знает много языков, иногда на ум слова к нему приходят сами.

— Всё же Вы изволите хвастаться...

— Даже самцы птиц хвалятся своим оперением в брачный период, так чем я хуже?

— Вы не птица и перьев абсолютно не имеете, — всё также серьёзно ответила Даниэла.

— Сударыня, неужели я Вас чем-то прогневал? — он рассмеялся и замедлил шаг, встав перед ней словно стена, — Я Вам явно мил, так почему же Вы в упор не замечаете, что я волочусь за Вами?

— Волочитесь? — Даниэла сразу представила красочную картинку, как собачка тащит за собой кашку, — Не сказала бы. Или Вы... постойте, Вы о флирте?

— Что такое флирт? Может, вы хотели сказать fleur te[3]? Простите, что не предусмотрел это заранее... Вы ведь даже привели меня в оранжерею. В следующую нашу встречу я привезу для Вас букет свежайших цветов.

— Это... — и тут она поняла, что слово «флирт» появится в языке чуть позже и сейчас она едва не выдала себя, — Да, всё так. Я разочарована, что Вы не догадались сами, — дабы поскорее закончить разговор, Даниэла скованно отвернулась и ляпнула первое, что пришло в голову. Ноги несли её в дом без оглядки на кавалера.

— Презабавнейшая особа, — улыбнулся Яков, следуя за девушкой по пятам.

Сегодня он приехал, не ожидая многого от встречи. Ему и раньше говорили, что дочь генерала красивая, но это мало что объясняло Брюсу. Увидев её лично, он убедился, что слухи

врали. Точнее, преуменьшали истинную драгоценность — её острый ум. Брюс до конца так и не понял, понравился ли Марфе Андреевне, потому что в один миг она выглядела так, будто хотела убить его, а в другой — словно полностью потеряла интерес. Однако интуитивно он чувствовал, что понравился ей слишком сильно и девушка просто смушалась. Её хрупкая фигура, красиво подчеркнутая фасоном модного синего платья, казалась ему знакомой. Возможно, они виделись раньше, но просто не разговаривали друг с другом. Со вступлением в потешные войска он и Роман Вилимович переехали с Мясницкой, так что могло быть и так. И всё же... каждый раз, видя, как двигаются её руки, или как покачиваются бёдра, он мог красочно представить, как девушка танцует.

Зайдя друг за другом в парадный зал, пара сразу столкнулась с генералом. Он сидел на софе с бокалом чего-то горячительного и хохотал, хлопая по своему надутому животу.

— Вижу, Вы довольный партией.

— Безусловно, Андрей Исакович. Пусть Бог и родители, смотрящие на нас с небес, станут свидетелями моей искренности. Я, Яков Брюс, прошу руки и сердца Вашей прекрасной дочери Марфы Мантейфель.

— Благословляю, дети мои! — генерал взял их сцепленные руки в свои мозолистые ладони и крепко сжал с широкой улыбкой на лице. Его шикарные усы шевелились в такт залиvistому смеху.

Брюс краем глаз глянул на Даниэлу, которая выглядела всё так же холодно, как и прежде:

— Заранее прошу прощения за спешку, но, восхищённый красотой невесты, хочу провести свадьбу как можно скорее, чтобы к первым дням весны мы могли с любовью называть друг друга муж и жена.

Генерал, естественно, согласился и провёл жениха в кабинет для обсуждения деталей.

Даниэла ничего лучше не придумала, кроме как спрятаться в домашней библиотеке и позвать Аспергиуса. Она пробовала и написать его имя, и спеть, и промычать — но появился он лишь тогда, когда она мысленно представила его рядом с собой.

— Ты что сделал со мной? Я стараюсь исправлять себя, но если буду сонной, из уст моих вылетит не изящная речь, а мусор двадцать первого века. К тому же воспоминания постоянно прокручиваются перед глазами, я не могу забыть о них ни на минуту.

— Пройдёт через какое-то время. Это побочный эффект от совмещения двух точек.

— Ужасно!

— Но разве же ты так недовольна? Я видела, что ты смотрела на Брюса, как влюблённая дурочка. Вот как сейчас.

— Сейчас? — Даниэла повернулась к зеркалу, заметив, что её брови сильно нахмурены, а взгляд тяжёл, будто она раздумывает над тем, как убить новоиспечённого жениха. — Ох, и правда, всё на лице... Это не слишком ли вульгарно для дамы — смотреть так на неженатого мужчину?

— Скоро он станет твоим мужем, поэтому не так уж и страшно. Пусть сразу привыкает. — Аспергиус скрестил верхние копытца на мохнатой груди и фыркнул, задрав нос повыше.

Какое-то время она сидела в библиотеке, пытаясь осмыслить происходящее, пока снаружи не раздался звонкий голос Сони:

— Государыня наша, Яков Вилимович уходит, Вы не попрощаетесь?

— Надо бы. Мы же теперь помолвлены, — подобрав подол платья, Даниэла быстрым шагом, сохраняя грацию, присущую воспитанной девушке, подошла к главной двери, где вдалеке стояла карета, запряжённая парой лошадей с кучером на козлах[4].

На тропинке, ведущей к воротам, стоял её отец и молодой офицер. Тихо подойдя к мужчинам со спины, Даниэла склонилась в лёгком реверансе:

— Быстрой дороги, Яков Вилимович.

Обернувшись, Брюс улыбнулся ей вежливой улыбкой и поцеловал руку, но в этот раз по-настоящему:

— Доброго вам дня, дорогая Марфа Андреевна. Чтобы скрасить ваши будни, я буду писать письма в усадьбу и заезжать к Вам в гости, как выдаться такая возможность. Не против ли Вы мирских прогулок?

— Да норм.

— Хм?

— Кхм, против ничего не имею.

Когда карета с гостем уже отъехала на приличное расстояние, Даниэла стукнула себя по лбу, простонав так, будто её собака бешеная укусила.

— Что ты творишь? — Андрей Исакович насутился, взглядываясь ей в лоб, — Гнус одолел, что ли?

— Солнце в глаза слепит.

Генерал посмотрел на облачное небо, затем на невозмутимо стоящую дочь, после чего расхохотался, будто бы понял какую-то неизвестную для всех истину:

— Ах, юность. Влюбилась, поглядите-ка, как счастлива. Если бы мать тебя видела...

[1] большая деревянная ёмкость цилиндрической формы, сделанная из клёпок (дощечек), стянутых обручами. Использовалась для хранения продуктов (кваса, солений, муки) и, в садоводстве, для выращивания деревьев (кадочная культура).

[2] «Спасибо» сначала на шведском, потом на английском.

[3] «Цветок тебе» — в переводе с французского.

[4] Высокое сиденье кучера в конных экипажах

Глава III. Синхронизация устройств

Спустя пару дней «кукования» в дом вернулись её младшие сестры — Устинья и Авдотья. Они месяц пребывали в загородной поездке с тетушкой Катериной Васильевной, подругой их отца, и её дочерью Лизочкой. Если бы не то, что смотрины организовались внезапно и они не успевали вернуться, то эти четверо тоже бы присутствовали на смотринах. Катерина Васильевна пусть и не была им кровной родственницей, но за неимением матери она была ближайшей старшей женщиной, имеющей право присутствовать на встрече молодых. Но генерал Мантейфель не стал их ждать ещё и из-за маячащих перед глазами ряда слов «на свадьбе, один из царей, много приближённых, почёт и слава, связи-связи-связи», пусть и получил спустя неделю после смотрин гневное письмо от тётушки.

Конечно, если бы старшей дочери жених не понравился, он бы не стал настаивать, всё же свою кровинушку он любил и баловал, но всё равно потом тихо бы поплакал в подушку.

А раз дочь влюбилась, то и забот у Андрея Исаковича поубавилось. И даже печальные причитания Катерины Васильевны не трогали его сердце:

— Государь мой, Андрей Исакович, как же ты допустил, чтобы на смотринах присутствовали одни служанки?! Репутация дочери тебя вообще не волнует, глупый старик?! — статная женщина с тонкой талией, пышной грудью и нежными ручками стукнула кулаком по обеденному столу, отчего сервиз в страхе задрожал, сжавшись к центру.

— Катерина Васильевна, поумерьте свой пыл! С ними была не просто какая-то служанка, а нянечка, да и трое девок, что лично прислуживали Марфе. — Андрей Исакович, восседающий во главе, то ли от радости долгожданной встречи, то ли по старой привычке звонко пукнул, на что младшие дочери, сидящие напротив, лишь закатили глаза, Даниэла сделала вид, будто её и вовсе не существует, а Лизочка широко распахнула глаза, успокаивающе погладив маму по руке.

— Андрей Исакович, имеешь совесть ещё ветры пускать! Девочка могла пострадать из-за твоих неразумных действий! — Катерина Васильевна аж покраснела от раздражающего её негодования, — И как ты мог согласиться на брак так быстро?! Надо было дожидаться, пока мы с девочками вернёмся и только тогда устроить смотрины! Мне всё равно, что он птенец Петра, если характером и лицом не вышел, он не заслуживает нашей девочки!

— А я что? Милостью Божией совесть вся при мне! — Не смей приплетать в своё бескультурное поведение Бога!

Поняв, что вот-вот и совместный обед превратится в корриду, Даниэла вмешалась: — Катерина Васильева, смилуйся. Государь мой батюшка не желал мне зла, он сразу заметил, как полюбился мне Яков Вилимович и потому устроил скорый брак.

— Не обманываешь ли ты нас? — спросили сёстры почти хором, а Лизочка тем временем жалостливо уставилась на неё.

— Нет, — неожиданно для себя Даниэла тепло улыбнулась им, погладив молоденьких девушек по щекам. — И Вы, Катерина Васильевна, поверьте мне, я довольна этой договорённостью.

— Что ж, раз ты так говоришь... — тётушка тут же поутихла и уселась в прежнее положение, стрельнув на генерала Мантейфеля недовольным взглядом, — Я отпущу ситуацию, но только на этот раз!

— Благодарю Вас, — Даниэла встала, низко поклонилась ей, чем заслужила легкий поцелуй в макушку.

— Расправь плечи, детка моя! Ты должна стоять с высоко поднятой головой! И даже перед тетушкой не кланяться, понимаешь?

— Понимаю, — кротко пробормотала Даниэла и застыла словно ледяная скульптура. Она никогда раньше не получала такой заботы от мамы «из будущего» — та всё своё внимание уделяла кому угодно, но не ей, никчёмной дочери. Однако в этой жизни её все любили и другого отношения она попросту не знала. И сейчас от этих ласковых слов тётушки, и игривых, жизнерадостных лиц сестёр у неё разболелся живот. — Мне нужно отойти по нужде, прошу меня простить.

— Как же так, ты больше не съешь? — разочарованно протянула Лизонька. По большей части она молчала и открывала рот лишь тогда, когда речь заходила про еду.

— Насытилась. Я пойду.

Даниэла двигалась плавно, но стоило скрыться за поворотом, чуть ли не бегом вбежала в покои, стянула с себя платье и ослабила корсет. Боль сдавливала ей желудок, но при этом не локализовалась нигде конкретно. *«Наверное, мне страшно»*, — угрюмо подумала она, спрятав голову в коленях. Раньше девушка принимала их любовь как должное, как нечто собой разумеющееся, но пока продолжалось слияние воспоминаний, она всё больше понимала, как же ей повезло и как сложны эти добрые чувства, как ценны. Настолько ценны, что Даниэла просто не знала, что с ними делать.

Через час в комнату девицы забрели два потерянных котёнка — Устинья, маленькая и юркая рыжеволосая красавица, и тёмноволосая Авдотья, высокая и жилистая, пробрались в комнату к старшей сестре, обнаружив ту закутанной в покрывало на постели.

— Марфа, мы привезли для тебя бельё. Тётушка вся распереживалась, когда узнала, что свадьба так скоро, и купила много для тебя, чтобы ты спала и одевалась хорошо в супружеской жизни. — тихо, словно боясь спугнуть, заговорила Авдотья.

— Что-то случилось, пока нас не было? — прошептала Устинья, обхватив колени старшей сестры и сама улёгшись на них, — Ты печальна... Неужели жених всё же плох и батюшка принудил тебя?

— Не принудил. Жених хорош, — также тихо отозвалась Даниэла. Внутри неё боролись две жизни, два длинных отрезка воспоминаний с совершенно разной судьбой. Под настойчивыми «мяуканиями» младших ей не оставалось ничего другого, кроме как скорее побороть это.

— А что тогда? Если не принудили, то чего бы тебе грустить? Так и знай, мы всех на уши поставим, если ты будешь несчастна! — Авдотья наигранно хмыкнула, поставив руки в боки и задрвав подбородок вверх, на манер тётушки.

— Хоть до царей пойдём! — Устинья вторила ей.

— Да, да! Не послушает Пётр Алексеевич, пойдём к Ивану Алексеевичу!.. Или на могилу к нему, если помрёт всё же! Дух из-под земли достанем!

— Что ты такое говоришь?!

— В чём я не права?! Все знают, что здоровье Его Величества сдает...

Пока сестры бранились, Даниэла молча улыбалась. Напряжение отступало, утягивая за собой и боль. Потихоньку, капля за каплей, воспоминания и ощущения двух жизней сливались воедино. *«Теперь я понимаю, почему людям не разрешают помнить свои прошлые жизни. Это тяжело...»*.

— Покажите-ка подарки, и что сами накупили. — прервала она спор одной короткой фразой.

— Вот так! Снова улыбаешься, любовь наша! — Устинья кинулась к ней на шею и совершенно бесцеремонно потёрлась лицом о грудь Даниэлы. — Примерим-ка! Авдотья Андреевна, наряды!

Девчонки позвали слуг и вскоре те принесли в комнату четыре больших короба со всевозможными одеждами, тканями и украшениями. *«По всей видимости, они кидали туда всё, что им понравилось»*, — невольно подумала Даниэла, перебирая обновки сестер.

Весь оставшийся вечер они красовались новыми платьями и Даниэла совершенно забыла о прежнем трауре по ментальной целостности. Её родные сёстры были прекраснейшими и любимейшим ангелами, коих она холила и лелеяла, и понимание того, что не во всех своих жизнях она была изгоем, давало внутреннюю силу. Да и характер её медленно менялся — в 21 веке она всегда сторонилась эмоций и, можно сказать, не чувствовала их так, как другие люди. У неё был свой замкнутый мир и понятия, которые не принимались окружением. Мама из той жизни говорила ей, что она даун и умственно отсталая, при этом ко врачу её никогда не водили и диагноза такого у неё не стояло — те родители боялись, что соседи будут плохо говорить о старшем сыне и не найдут ему невесту. «Я всё понимаю. Если сестра больная, то как же продать брата?» — сказала она как-то, за что потом ходила пару дней с красными, змеобразными следами вокруг шеи.

Здесь же, в 17 веке, она знать не знала, что эмоции живут отдельно от неё. За исключением официальных обедов и встреч, она, будучи Марфой, не скупилась на скандалы, ворчание и женские манипуляции. Сёстры ей восхищались, отец баловал, а тётушка, пусть и читала нотации, никогда сурово её не наказывала. Словом, она была довольно капризной в будничных беседах.

Симбиоз замкнутой, холодной девушки и капризной, но утончённой аристократки постепенно обретал форму. И Даниэлу это пугало и успокаивало одновременно. И она даже подумывала придумать себе имя, чтобы отличать нынешнее состояние от «чистых» жизней. Даниэла — 21 век, а Марфа — 17–18 век, и будто бы во избежание путаницы ей хотелось называть себя как-то ещё. Так, чтобы она одна знала это имя и могла напоминать себе о пережитом опыте.

Но это всё размышления, которым, как бульону на говяжьих костях, требовалось время на приготовление.

— Покойного сна, проснись с улыбкой! — подмигнула Устинья, стоя вплотную с сонной Авдотьей, после чего захлопнула дверь в покои старшей сестры.

— Утра вечера мудренее... или это не из этой сказки?

Вечером в гостиной было тихо — часть слуг суетилась на кухне, часть сопровождала Устинью на прогулке по Кукую, а Авдотья целый день спала — видимо, после поездки сильно утомилась и нагоняла убегающий отдых уже дома. Отец был на службе. Даниэла читала возле печи-голландки в лёгком шёлковом платье, полностью закрывающем все женские прелести.

— Закончила, — захлопнула она книгу и наконец встала. Пламя пригрело её настолько, что хотелось освежиться. Аристократка подошла к ближайшему окну и распахнула его — снег уже лежал на крышах домов, как белое покрывало. Издалека раздавались колокола церковей, возвещающие о наступлении шести часов.

— Ты же здесь? — сказала она в пустоту. Из воздуха над её головой появились сначала светящиеся рога, а затем и всё остальное.

— Хочешь поговорить? — Аспергиус, который исчез и не появлялся после смотрин неделю назад, вновь престал перед ней — такой же, как и прежде, будто бы нереальный. — Да. Знай я, что ты сразу появишься, позвала бы раньше.

— Хм?! — Не думала, что слуги хаоса действительно захотят общаться с людьми как с равными собеседниками. — облокотившись на подоконник, она искоса посмотрела на него. — Слуги хаоса? Ты про Аспергиусов? — Я думала, это твоё имя. — И да, и нет. — он задумчиво облетел он её, — Зови как хочешь, Даниэла.

— Говоря об этом... Как называется моя ячейка?

— Муи-и-ннн-ааа-иии-сэика-майо, — Аспергиус вдруг исчез с прежнего места и появился прямо перед её лицом, внимательно всматриваясь в девушку своими золотыми глазами, — Стало интересно? Боишься? Радуетесь? Что, что из этого?

Девушка чуть нахмурилась и изящным пальцем оттолкнула его подальше: — Не приближайся так, это нервирует.

Хранитель пустонии как ребёнок заметался на месте, мотая рогами в нетерпении:

— Так что, что же случилось? Почему ты меня позвала? Почему спросила про ячейку?

Изначально Даниэла собиралась честно сказать, что выбирала себе «кодовое имя», но услышав странное название для хранилища своей души и столкнувшись с таким нетерпением от мифического сатира, она передумала.

— Скучно, — капризно протянула она и надула губы. Раз так, останется Даниэлой. Какая разница? — Прекрати мельтешить перед глазами. Ты слишком шумный.

— Звучит как оскорбление... это же оскорбление да? Меня ещё никто не оскорблял! Не то, чтобы я часто общался с людьми... Всё же ты странная.

— Отчего же?

Он сделал в воздухе пируэт, приземлившись на пуфик для ног, стоящий в неосвещённом углу:

— Люди часто винят друг друга. Я столкнул два твоих сознания и заставил пережить боль. Вместо гнева ты зовёшь меня, когда скучаешь... Разве не винишь меня? Не злишься? Ты должна злиться!

Даниэла вопросительно приподняла бровь:

— Не должна.

— Вот видишь! А ещё спрашиваешь, почему ты такая странная! Ууу-и-и ммми-и-и! (Не понимаю!)

— Ты объяснил, что мог. Да и ситуацию уже не исправить. Я не собираюсь спасать мир, у меня нет интереса к героизму, но если надо прожить эту жизнь с осознанием того, что моё существование может повлиять на то, выживет мир или нет... я справлюсь. Главное не думать об этом так часто, как ты этого от меня хочешь.

— И всё же ты странная...

— Могу сказать тоже самое и о тебе. Ты слишком эмоционален для... наблюдателя?

Аспергиус гордо вскинул голову и фыркнул:

— Я сам выбрал чувствовать!..

— Этим ты и необычен. Я не видела других хранителей пустонии, но взвешенные существа в моём понимании далеко не такие, как ты. — Даниэла закрыла ставни и, тяжело вздохнув, села в кресло напротив пуфика для ног, — Впрочем, отложим эти рассуждения на потом. Раз ты всё равно здесь, то расскажи о себе ещё. Что такое пустония, по какому принципу вы работаете, кто такие Аспергиусы... Также мне интересен ваш язык. Я могу его выучить?

Аспергиус скрестил руки на мохнатой груди, пристально уставившись на девушку с хитрым прищуром. Его контакт с людьми до этого ограничивался лишь путешествием в один из их городов когда-то очень давно, когда он только появился на свет. Но следил он за ними всегда. Люди были одними из творений пустонии, похожими на них самих. Хранители, выбравшие познать колебания пустонии, узнавали о «чувствах». Поэтому Аспергиус знал, что чаще всего живые существа при близком контакте с пустонией испытывали страх, гнев, печаль... однако он до сих пор не мог понять, чем же движима Даниэла.

Но рассказать ей больше ничего не мешало. Поймёт она или нет — уже другой вопрос.

— У нас нет как такового понятия «себя». Мы можем как чувствовать, так и нет. Практически никто не хочет «чувствовать», потому что человеческие страсти слишком чужеродны для нас, словно неизлечимая болезнь. — он перевёл дыхание, а затем продолжил, — Пустония — это энергия, это сущность, жизнь, смерть, лист, человек, дерево, металл, радость. Это всё,

что ты захочешь. Также и мы. Мы наблюдаем за ней, а она — за нами. Таких, как у вас, имен у нас нет. Для нас важно не само имя, сколько то, что ты в него вкладываешь. В языке пустонии самое важное — это звук. Наша магия, если переводить на современный язык, рождается из звуков, а не из слов. Мы вкладываем в них намерения и поэтому они обретают смысл.

Даниэла придвинула ноги к себе и, обняв колени, положив на них голову:
— Научи.

Аспергиус несколько неловко постучал копытами, после чего начал медленно говорить: — Язык пустонии звучит не так, как человеческий. Он идёт не от горла, а отсюда, — он коснулся копытцем своей груди, — Почувствуй, как звучит для тебя намерение. Как оно пахнет, как выглядит, какие буквы тебе хочется произнести, а какие — нет. Ни для одного слова нет фиксированного звука. Закрой глаза и глубоко вдохни, а затем... ну, представь, что у тебя из сердца что-то вырывается, а рот становится проводником. Если выучишь, то сможешь видеть потоки пустонии... Чувствовать, где они рвутся, связываются и сплетаются в новые. Некоторые люди знают наш язык, но почти никто не умеет использовать его по назначению. Кхм, ты всё поняла? Тогда попробуй!

Он замолк, трепетно прижимая лапы к груди, а через секунду и вовсе сбежал, будто отвергнутый первой любовью школьник.

Даниэла ещё как-то время смотрела на то место, где он витал, после чего вернулась к себе в комнату. Усевшись перед зеркалом на туалетном столике, она взяла себя за горло и закрыла глаза. Под тёплой ладонью чувствовалось, как мерно вздымается и опускается хрящ, как расширяются лёгкие, как течёт слюна. Как бешено бьётся сердце, увлечённое новым таинством. На удивление легко ей было представить, что сердце её оплетает трепещущий комок из света и искр.

— Ы-ы-ы м-мм! — выдала она и вся вздрогнула, согнувшись в груди, — Э-э э ыыы...

Служанка Соня, собиравшаяся было постучать к госпоже, остановила кулак в трёх сантиметрах от двери. Увидев её странное выражение лица, другая служанка подошла и шёпотом спросила:

— Что застыла то?

— Прислушайся.

Вторая девочка осторожно приблизилась к щели, услышав тяжёлое хрипение, как у генерала после выпивки, и отвратительные гортанные звуки.

— Может, государыня плачет?

— Не похоже... Думаю, она поёт.

— Ох, — вторая служанка зажала рот ладошкой, сочувственно посмотрев будто бы сквозь стену.

— Давай не будем говорить, оставим её... наедине.

— Да, да, давай пойдём...

Девочки спешно ушли, предупредив всех слуг в доме, чтобы не беспокоили юную госпожу.

Глава IV. Песня Пустоты

Даниэла никогда не училась петь. Мама «из будущего» пыталась отдать её в церковный хор, но затем передумала также быстро, как возненавидела её. Амёбное лицо дочери, по её мнению, могло испортить их семье репутацию среди других прихожан. «В прошлом» генерал Мантейфель обеспечил дочерям хорошее домашнее образование, однако пению они не учились.

Несмотря на отсутствие способностей, Даниэла считала, что язык пустоты она таки освоила. Прошло недели две с тех пор, как она начала тренироваться. Аспергиус появлялся иногда, комментируя что получается, что нет, а затем также резко исчезая. Что касается Брюса, то письма от него приходили исправно.

В самом первом письме Яков извинялся, что приехал так спешно, и не успел познакомиться с её сёстрами — видимо, как блюстителя своей репутации, его сильно шокировало, что в доме на момент смотрин не было ни младших, ни старших женщин, за исключением слуг. Непонятно, мучило его чувство вины или нарушение этикета, однако извинения Даниэла приняла, особо не вчитываясь. Её порядком утомили разговоры о светских нормах.

В последнем же письме новоиспечённый жених приглашал её, сестёр, Катерину Васильевну и Лизоньку на обед в особняк семейства Балк. Видимо, пары недель ему хватило, чтобы разузнать обо всех связях их семейства. На него Даниэла тоже ответила скромно и коротко — страсть от первой встречи уже подухнула, и сейчас она предпочитала тренировки пылкой любви.

И вот утром перед назначенной трапезой Даниэла услышала заветное:

— Хи-е! Ба-ба! (Браво! Основы ты освоила!)

— Ф-ф-ф-ф? (Ты понимаешь меня?)

— Ха-ах! (Да!) — воскликнул Аспергиус, появившийся также неожиданно, как и всегда. Раскинув лапы в стороны в позе восхваления солнца, он вдруг застыл, озарённый некой гениальной идеей.

Перевернувшись вверх тормашками, он пропел со страстью. — Пара-пири па! (Ты могла бы помогать мне, как я сразу не подумал!)

— Н-ны-ы-ы-н? Аману-у. (Помогать с чем? Я всё ещё ничего не вижу.)

— Нья! (Ты и не смогла бы без моей помощи!) — Аспергиус рассмеялся, — Пипи-ру-пау! (Если бы каждый мог видеть потоки пустоты после того, как освоил бы язык, мир бы сошёл с ума!)

— ...Ты обманул меня?

— Хаи-и но-о! (Нет-нет! Просто не сказал всей правды!) — он подлетел к ней вплотную и улыбнулся. Улыбка на козлиной морде, к слову, выглядела весьма специфично. — Тур-тур ля! (Закрой глаза, дыши глубже и максимально расслабься!)

Не дождавшись ответа, он поднёс копытце к центру её груди и легонько постучал. Даниэла, сама того не желая, закрыла глаза и вдруг ощутила, что по телу словно растёкся тёплый поток воды, мгновенно расслабив напряжённые плечи и спину. Она обмякла, утонув в мягкой перине, и со стороны выглядела так, будто мирно спит.

— Бу бу-у! (Будет больно!) — всё также нетерпеливо сказал он, а затем слегла потряс головой — золотые искры с его рогов полетели вниз, окутывая девушку с ног до головы.

«Когда смогу двигаться, обязательно скажу, что повёл он себя некрасиво...», — Даниэла нахмурилась, но в этом состоянии не могла пошевелить ни единым мускулом.

Внезапно её тело начало колоть — лёгкие покалывания начались изнутри, почки, печень, желудок... тяжёлые, резкие уколы стали бить её кожу или то, что под ней. Мозг словно вскипел, обрамлённый огненным нимбом. С каждой секундой ощущения всё накачивали, принося

новые мгновения боли. На упаковках сигарет писали «Мучительная смерть» и Даниэла изредка спрашивала себя — как это? Она никогда прежде не умирала, но если бы ей пришлось объяснить кому-то, что такое мучительная смерть — то, наверное, она именно такая.

Спустя бесконечность, судя по ощущениям, где-то в районе груди застрекотало. Будто бы оттуда вылез богомол и своими тоненькими, длинными ножками шествовал по её ребрам прямо к шее. Или их было несколько и это были вовсе не богомолы. Даниэла упустила тот момент, когда колебания воздуха стали такими же ощутимыми, как прикосновения.

— Ха-а-а. (Можешь открыть глаза.) — раздался сверху шёпот.

Девушка послушно распахнула веки — не то, чтобы у неё был выбор. Вместо привычного пейзажа перед её взором предстал мир, полный градиентных синих волокон, сплетающихся друг с другом во всевозможных направлениях. Косы багряно-синего цвета вдали двигались и дышали, волны платиново-голубого покачивались на ветру там, где на её памяти возвышался сад, а лазурные тоненькие бантики кружили везде и всюду, словно бумажные цветы, которые ребёнок сбросил с балкона в честь наступления весны.

— Красота... — приподнявшись на локтях, ошеломлённо произнесла Даниэла.

— А-а-а. (И правда.) — Аспергиус хихикнул, — Тараи-и. (Запоминай сейчас, тренируйся, помогай потом.)

— С чем помогать? — одними губами произнесла она, разглядывая необычные волокна на руке, — Это связано с тем, как часто ты исчезаешь?

— Отчасти. Скоро ты и сама столкнёшься с этим, пусть будет сюрпризом! Сюрпризы — это здорово! — Он отвел глаза, оставив послевкусие тайны на устах. — Чтобы вернуть всё как было, просто подумай об этом. Тоже самое и наоборот!

— Довольно просто, — несколько раз попробовав, Даниэла была уверена, что больше не ошибется. Ни получая повалу и поклонение, ни находя антиквариат на раскопках — она никогда прежде не испытывала такого чувства. Счастье вперемешку с онемением, будто после падения. — Что ты сделал со мной?

— Улучшил восприятие в несколько десятков тысяч раз, только и всего. Ты создана из пустоты и, естественно, имеешь предрасположенность к тому, чтобы распознавать её. Считай, это моя... м-м-м, компенсация? Да. Я испытываю неприятное чувство, которое не могу описать, когда вспоминаю, как грубо соединил «точки вхождения».

— Ясно, — пробормотала она. В голове как в замедленной съёмке прокрутились те горькие ощущения, что настигли её во время этого процесса.

— Не благодари! Я и не такое могу! — хвастливо вскинул подбородок он, потирая свою козлиную бородку.

— Аспергиус...

— Да-да!

Даниэла благочестиво сложила ладони на коленях и посмотрела на него так, будто видела перед собой жареного кальмара на шпажке, а не величественно посланника:

— Не сковывай меня так больше. Я сама закрою глаза и расслаблюсь, в помощи ничьей не нуждаюсь.

Он растерянно ойкнул, в страхе попятившись за шкаф:

— Н-ну... Я...

И, обуреваемый стыдом, в следующих миг исчез. Даниэла саркастически хмыкнула: *«Его всё ещё легко напугать. Это даже мило».*

Через три часа она встретилась с сёстрами. Устинья была одета в жёлтое платье, заказанное недавно из-за границы — тяжелый, приталенный шёлковый роб с глубоким декольте и шлейфом. Лиф был жестким, на китовом усе, а широкая юбка ниспадала мягкими склад-

ками. Авдотья носила нежно-розовое платье из парчи, с короткими, до локтя, рукавами, откуда эффектно выглядывали многоярусные кружевные манжеты — ангажанты. Даниэла же снова выбрала из гардероба синее платье: в 21 веке это был её любимый цвет и, видимо, в прошлом тоже — всевозможные оттенки синевы и сирени были в распоряжении её гардеробной. Волосы троицы были уложены в сложные пучки, выглядящие как нежные бутоны розы, а на шее и запястьях белел жемчуг.

Младшие были взволнованы предстоящей встречей с женихом старшей сестры. Даниэла должна была ехать вместе с Яковом в его экипаже, в то время как они в карете семьи Мантейфель, поэтому им не терпелось задать каверзные вопросы красавцу-офицеру до этого момента.

Брюс приехал в назначенный час. Увидев его издали с белой бутоньеркой в руках, Даниэла вдруг вспомнила, что он по-прежнему прекрасен и вообще-то ей нравится, и что на протяжении трёх недель на письма она отвечала «скушно». Смущение наступило мгновенно, но тут же скрылось за прозрачной вуалью стойкости и толстокожести.

Дождавшись, пока он подойдёт поближе, девушка присела в лёгком реверансе, после чего решила сказать что-то, чтобы не казаться совсем уж равнодушной:

— Искренне приветствую, государь мой Яков Вилимович. Давно мы с Вами не виделись.

Положив одну руку на грудь, а вторую за спину, он слегка поклонился ей. Не понятно, показалось Даниэле или нет, но вид у жениха был крайне игривый:

— Солнца над Вашей головой, милейшая Марфа Андреевна. Тосковали ли Вы по мне?

Вспомнив, как перенервничала в прошлый раз, Даниэла постаралась быть честной и тихо выдавила, прикрывая рот веером:

— Тосковала.

— Лестно слышать, ведь я тоже, — целуя руку, он заглянул ей в глаза и вручил бутоньерку. — Как ваше самочувствие?

— Не хвораю, — цветы оказались на удивление ароматными, вероятно, сорванными этим утром.

— Вы сегодня великолепно выглядите.

«Ты ещё лучше. Такой красавчик в этом кафтане... Мало кто из жителей слободы носит русскую одежду, Петр ему лично разрешил? Это о многом говорит. Благо без парика...»

Они ещё немного поговорили, после чего Якова с двух сторон окружили молоденькие девушки. Авдотья преграждала ему пути к отступлению, в то время как Устинья радостно хлопала в ладоши, привлекая к себе внимание:

— Марфа Андреевна, представьте нас! Да побыстрее!

Даниэле ничего не оставалось, кроме как тяжело вздыхать от энергичности юных особ:

— Яков Вилимович, по правую руку от Вас — Устинья Андреевна, по левую — Авдотья Андреевна. Они родились на пару лет позже меня, но наши отношения довольно близки. Сёстры мои, перед Вами мой жених, Яков Вилимович Брюс, майор инженерных войск.

— Здравствуйте, приятно с вами наконец познакомиться, — он коротко кивнул им и, согласно этикету, сделал вид, будто целует им руки, — Марфа Андреевна слишком добра ко мне — чин мне официально подтвердят только после Святков.

Стоило только официальному знакомству состояться, как неугомонная Устинья закидала мужчину серией вопросов:

— Яков Вилимович, сколько зарабатываете? Сколько у Вас особняков? А какие у Вас отношения в семье? Дружны ли Вы?

Брюс терпеливо отвечал на все, не моргнув глазом:

— Родовой особняк делим мы с братом Романом Вилимовичем. По службе получил здесь свой клочок земли и строюсь. У нас гармоничные отношения в семье — не плохие, но и не такие близкие, как у Вас с Марфой Андреевной. Госпожа Балк — уважаемая мною сестра,

пусть и не по крови, сделавшая многое для того, что мы четверо... сорванцов встали на ноги. Я искренне бы хотел познакомить вас с ней, — последнюю фразу он уже адресовал Даниэле.

Авдотья кивнула, явно удовлетворенная ответом, Устинья же хотела спросить ещё что-то, однако Даниэла встала между ними и сказала:

— Сядем по каретам. Мы и так здесь задержались.

Девчонки надулись — они явно собираясь помучить жениха вопросами чуть дольше, но Даниэле было всё равно. Восхищение этим мужчиной, казалось, глубоко укоренилось в её сердце, поэтому от настойчивых вопросов у неё был флёр какого-то интервью. Будто артиста после концерта окружили журналисты с камерами, а она, как его менеджер, должна была побеспокоиться о том, чтобы увести «звезду» подальше от «телескопов».

Яков не вырывался, наоборот, поудобнее перехватил её руку и положил себе на предплечье, сравнившись в скорости шага. Разница в росте у них была впечатляющая: избушка на тонких ножках и Колокольня Ивана Великого, но на радость юных девочек, чей интерес был устремлён на совместимость пары, смотрелись они гармонично.

— Уважаемая государыня Марфа Андреевна, скромный слуга Андрюшка к вашим услугам, — дверь кареты им открыл веснушчатый мальчик с рыжими кудряшками.

Даниэла кивнула ему и подозвала свою служанку Соню, ожидавшую в стороне. Когда господа уселись, Андрюшка и Соня тоже залезли внутрь. Сегодня они были в качестве сопровождения и в их обязанности входило только составлять компанию паре в экипаже, в остальном «Марфа Андреевна» с лёгкой руки позволила девчонке заниматься чем хочется. Жених обещал, что её Соню обязательно сопровождают в комнату слуг на застолье.

— Не представишься?

Соня быстро пролепетала что-то и съежилась в уголке, стараясь не смотреть на мальчика.

— Ничего страшного, Марфа Андреевна. Андрюшке полезно встречать безразличие, а не то зазнается, — сказал Брюс, с явным удовольствием наблюдая за смущением своего сопровождающего.

«Точно. Они же примерно одного возраста, — запоздала поняла Даниэла, — Это так-называемая щенячья любовь?»

За исключением этого, поездка прошла спокойно. В доме на краю улицы их уже встречали слуги и Лизонька, выскочившая наружу с чем-то съедобным. Так как обед официально не начался, с вероятностью 90% она выпросила закуску, карауля дверь кухонной пристройки.

«Опять она ест на ходу, — с нежной безысходностью подумала Даниэла, — Вот уж для кого этикет не писан. Тётушка не успевает ругать».

Внутри особняка их вышла поприветствовать статная, рыжеволосая женщина с пышными формами, которые подчёркивало её приталенное платье с глубоким декольте. Когда она улыбалась, вокруг её глаз и губ собирались маленькие морщинки, нисколько не умалявшие её красоты. Еще до того, как их представили, Даниэла уже догадалась о её личности.

— Добрейшего дня вам, — Елена кивнула гостям.

Во время знакомства руки Даниэлы чуть дрожали. Сёстры за её спиной тоже поклонились, ожидая, пока Яков закончит представлять их. Во время разговора до трапезной они узнали, что Роман сегодня крайне занят на службе, поэтому не смог приехать, но прислал подарки для девушек и клялся, что слышал о невестке исключительно хорошее. Впрочем, Андрей Исакович отсутствовал по этой же причине. Компанию гостям составлял Андрей-который-сводный-брат, Николай Иванович Балк и дети семейной четы.

Андрей проводил фыркающую Соню на кухню, оставив господ на попечение местной прислуги.

Обед-знакомство был накрыт богато. Увидев несколько смущённых юношей за столом, Даниэла скомандовала сёстрам сесть напротив них, рядом с Лизонькой и её украденной плюшкой. Как она могла не понять, что кроме знакомства семей эти прекрасные женщины зани-

мались сводничеством для молодого поколения? Жалко было бы отвергать их намерения, поэтому она лишь дала возможность молодёжи пообщаться.

«*Я что, старуха?*» — прикрыв веером свои кривляния, Даниэла фыркнула, поймав себя на образе мышления бабушки-соседки.

— Задумались? — внезапно ход её мыслей прервал низкий голос, полный нескрываемой улыбки, — Прошу, садитесь подле меня. Уверю, мои навыки накладывания не хуже, чем у племянников.

Даниэла вопросительно вскинула бровь, а затем, проследовав за его взглядом, поняла, о чём речь: так называемые «навыки накладывания» относились к сцене, в которой дети семьи Балк радостно подкармливали Лизоньку и её сестёр. Мальчики настолько стеснялись разговаривать, что найдя возможность молчаливо ухаживать чуть ли не из штанов выскакивали.

— Не думала, что в Ваших глазах выгляжу столь ненасытной, — сев на выдвинутый для неё стул, прошептала она и гордо, даже чуть обиженно вскинула подбородок.

— «Если жены сок капусты пьют, тогда менструу у них движет, также яйца хорошо пособляют мужам к постельному деянию и к женскому совокуплению», [1] — хитро шурясь, процитировал Яков, подвигая к ней мисочку квашеной капусты и рыбу, вдоль которой на каёмке были выложены нарезанные вареные яйца., — Так что кушайте вдоволь, не стыдитесь.

У Даниэлы нервно дёрнулся глаз:

— Ваши ухаживания с каждым словом становятся всё изощрённее. Скоро ли мне ждать звёзд в Ваших словах?

— Звёзд? — Он сел рядом и всю избегал участи был втянутым в разговор двух взрослых женщин, медленно потягивая вино. — У меня не было возможности изучить эти явления подробно.

— А стоит. Уверена, Вам понравится.

Даниэла повернулась в его сторону и столкнулась со спокойным, даже невинным лицом Брюса. Он вздернул плечами, отправляя в рот кусочек яства:

— По воле Божьей и слову Царскому — может, и выдастся время.

Заморив червячка, Даниэла прислушалась к разговорам за столом. Елена и Катерина обменивались историями из детства помолвленных, мужчины болтали между собой о военном деле, а юные девушки мучили вопросами новых жертв. Девушка в основном молчала, лишь изредка вставляя комментарии о том, о сём. Когда совсем наскучило бестолково греть уши, она откинулась на спинку стула и зевнула, прикрывая свою вольность ладонью.

Секунда или две украли её из реальности — она не знала, однако резко и чужеродно в её уши ворвался знакомый голос хозяйки поместья:

— Добрейшего Вам дня.

С той же интонацией, всё в том же приталенном платье и с теми же яркими глазами, глядящими на прибывших гостей. Лизонька жевала украденный пирожок. Яков улыбался сестре. Устинья и Авдотья нервно ждали, пока их представят. Даниэлу же бросило в холодный пот, а в голове пронеслась запоздалая мысль: «*Дежавю?..*».

Она слотнула ком в горле, с подозрением покосившись на присутствующих.

На её памяти это сцена была около сорока минут назад.

[1] Цитата из книги-целбника «Вертоград Прохладный», советы про капусту и яйца

Глава V. Разобранные часы не собратьобратно

— Когда они вернулись домой мокрыми, я ничего не сказала, но когда они снова полезли в реку за рыбой и утопили дорогую брошь, я заставила их плавать там до тех пор, пока не найдут её.

— Всё верно, только строгое воспитание способно воспитать озорных мальчишек... Но моя Лизонька иногда откровенно игнорирует этикет, увлекаясь яствами. Отец носил ей гостинцы каждый раз, когда приезжал, а когда он умер, она стала постоянно что-нибудь жевать...

— Ох, понимаю Вашу беду, Катерина Васильевна. Жаль, наша Лиза умерла... заболела и увяла на глазах.

Беседы за столом, мирные разговоры Даниэла слушала вполуха. Она была задумчива большую часть обеда. Звала Аспергиуса, но он не откликнулся. Прождала, пока пройдут те несчастные сорок минут, но ещё раз неожиданного отката не случилось. Брюс, заметив её состояние, подумал, что она заскучала, потому наклонился к ней и тихо спросил:

— Не желаете ли осмотреть коллекцию оружия моего зятя? Она довольно обширна и включает в себя также старые церемониальные ножны, привезённые нашими отцами.

— Да, пожалуй. Проводите меня туда поскорее, — Даниэла встала, хвостиком проследовав за женихом. Ей всё ещё было не по себе, поэтому она не заметила, как сбоку к ней пристроился худощавый, высокий парень с рыжими волосами и ямочками на щеках.

— Госпожа, у Вас плохое самочувствие? — молодой человек склонился перед ней, приложив ладонь к сердцу. В этих оленьих глазах и смиренном, милом взгляде Даниэла узнала свою младшую сестру из будущего, ещё тех времен, когда семья не противопоставляла их.

— Андрей Николаевич, Вы неправильно поняли, — спокойно ответила она, натянув на лицо улыбку.

— Что ж, — он поджал губы и кивнул с таким видом, будто говорил «я понимаю, что ты не хочешь говорить, но сделаю вид, что всё так, как ты говоришь», — Мой милый братец знает не всё, что представлено в коллекции. Почту за честь составить вам компанию и развеселить даму.

Яков кинул на него взгляд через плечо и закатил глаза:

— Марфа Андреевна, не обращайте внимание на этого хвастуна. Он любит донимать людей. Это его любимое хобби в свободное от службы время.

Андрей хмыкнул и в два шага подошёл к младшему брату, идущему впереди, приобняв его за плечо:

— О чём ты говоришь? Почему я не понимаю? Снова перепутал словари в библиотеке?

— Я — нет, а вот ты явно перепутал цепь с прицепом, — Брюс вскинул бровь, скидывая его лапищи с себя, — Марфа Андреевна, считайте нас невидимками, мы ведём себя недостойно.

— Хорошо, — Даниэла улыбнулась краешками губ и даже как-то страх отступил. — Недостойные государи, прошу, покажите мне эту легендарную коллекцию.

Они зашли в рабочий кабинет генерала Балка и Андрей начал рассказывать о каждой шпаге и прочих экспонатах, что висели там на стене. Даниэла пристально смотрела на всё это оружие и умывала сердце мёдом: ей так оно нравилось, что о мужчинах рядом она вовсе позабыла.

— Приглянулось что-то? — раздалось сбоку. Даниэла подняла голову и столкнулась с красивым профилем Якова. Он смотрел на неё не напрямую, а через отражение в зеркале, и его тёплый взгляд был подобен лунному свету, льющемуся на водную гладь. Сердце девушки

ёкнуло — но вот то ли от красоты, в которой она никогда не сомневалась, то ли от чего другого — Даниэла не поняла.

На миг ощутив дискомфорт от собственных переживаний, Даниэла неловко пробормотала:

— Ваша...

— Что «Ваша»?

— Ваша шпага, — она вслепую тыкнула в ножны на поясе Брюса, — Она мне нравится больше всего.

— Раз так, я подарю её Вам чуть позже, если обещаете хорошо о ней заботиться, — он прикрыл веки и снисходительно кивнул.

Даниэла не ожидала, что он так легко согласится:

— ...Разве так можно?

— Нельзя. Но мы скоро станем семьёй и она снова окажется у меня.

— О чём ведёте беседу? — подошедший Андрей панибратски приобнял Брюса, вопросительно взглянув на будущую невестку.

— О твоём безнравственном поведении и вопиющей наглости, — Яков скрестил руки на груди, окатив брата саркастичный взглядом.

Пусть Даниэла и не мастерски читала настроение толпы, но в этом случае до неё дошло, что тему лучше перевести. Она задумчиво спросила:

— Андрей Николаевич, а какая часть коллекции Вам нравится больше всего?

— Это просто! Мушкет! Матушка забрала его в память о дедушке. Он просто собран, да и к тому же сломан, однако всё равно люб мне, — Андрей склонился к ней и улыбнулся, делая своё невинное лицо ещё ярче и привлекательнее.

Они поболтали ещё немного. Братья показали ей эскизы пищалей[1], которые Яков от скуки рисовал, служа в потешных войсках. Уже был вечер, когда их окликнули, и все засобирались по домам. Даниэла ещё раз позвала Аспергиуса, но он появился лишь на мгновение, прежде чем исчезнуть вновь.

Беспокойство, отступившее благодаря разговорам, накатило вновь. Авдотья молча подошла к старшей сестре и дотронулась до плеча, как бы спрашивая, в порядке ли она, да и Катерина Васильевна и Устинья выглядели озабочено, но всё, что Даниэла могла им сказать, было:

— Вам показалось. Я обычно всегда такая.

Супруги Балк проводили их и сказали, что таким гостям всегда будут рады в их доме. Точнее как: жена говорила, а муж одобрительно кивал.

У особняка, не успела Даниэла сесть в карету к сестрам, как Брюс вложил шпагу ей в руки:

— Храните её. И вскоре в один из снежных вечеров я заберу вас обеих к себе.

На щеках Даниэла проступил лёгкий румянец:

— Буду... хранить. Обещаю Вам. До свидания, Яков Вилимович.

Мужчина слегка улыбнулся:

— Буду скучать по Вас.

Глубокой ночью Даниэла сидела на полу на коленях в одной сорочке и старательно пела, призывая хранителя времени. В таком положении она просидела уже два часа, а от Аспергиуса не было ни весточки. Но Даниэла не сдавалась: у неё в принципе не появлялось мыслей о неудаче.

Затем, спустя три с половиной часа, знакомые золотистые искры окутали комнату. Аспергиус, появившийся из ниоткуда, выглядел крайне усталым и даже не щурился, как прежде.

— Ха-а-а эйм... (Я опоздал. Это заняло много времени...), — он вознес свои золотые глаза к небу. В полумраке они светились подобно тлеющей лучине.

— Что случилось? Ты не выходил на связь, потому что устранял этот... сбой? — Даниэла склонила голову, перевернув вверх дном воспоминания об этих сутках, — Ты говорил, что я буду тебе помогать. Речь о таких случаях? Я думала, всё ограничится лишь жизнью Брюса.

— Ну, понимаешь, — хранитель выглядел искренне растерянным, хлопая пастью, — Всё не так просто... Тебе понравился сюрприз, ха-ха?

— Нет, не понравился. До этого меня устраивали твои объяснения. Они покрывали мои насущные вопросы, и я могла продолжать жить так, как жила, — если бы Даниэла могла, она бы сейчас вылила на него баночку с серной кислотой, — Однако теперь выясняется, что проблема не только в том, чтобы исправить жизнь Брюса, есть и другие факторы, которые будут вмешиваться в мою спокойную жизнь.

— Погоди, погоди!.. — Аспергиус завозился на месте, явно растерявшись от подобного напора.

— Сначала ты заявил мне, что проблема в том, что душа Брюса попала во временную петлю и теперь время для него нелинейно. И что всё, что мне нужно, это «что-то» сделать. Я приняла это. Пока требования не слишком критичны, я могу их выполнить, не задавая лишних вопросов, — голос Даниэлы был подобен лезвию ножа, вонзающемуся в тело молодого ягненка, — Но ты уже перешёл ту черту, когда я промолчала бы. Сейчас тебе нужно объяснить мне всё в деталях и не скрывать ничего. Теперь слишком очевидно, что в первый раз ты говорил полуправду. Хорошо, что я не стала слушать, навешал бы мне лапшу на уши как какой-то дурочке!

— Эм...

— Говори! Иначе я сделаю всё, чтобы испортить тебе жизнь. Разорву на части и поджарю в кипящем масле.

— Я... я не вкусный! Не надо, п-пожалуйста, я всё объясню! — Аспергиус настолько распереживался, что из глаз его потекли искрящиеся слёзы. — И ты не сможешь меня съесть! У меня м-мяса нет, меня ласкал только ветер!

Помолчав мгновение, Даниэла сказала как ни в чём не бывало:

— Шучу.

— Я теперь не верю, что ты просто шутишь, хнык, — хранитель утёр влагу с ресниц копытцами и кротко промямлил, — Всё началось с того, как...

Он действительно мало знал. Чёрную воронку в ячейке Да-ра-лала ца-цаца м-илия ливия он заметил случайно. Аспергиус не знал, почему она появилась, поэтому сразу подумал, что это он сделал что-то не так, из-за чего произошла авария. Задел, толкнул или просто косо посмотрел — не важно. Пока ячейка в его юрисдикции бушует, он не избежит наказания. Это может быть как рассеивание пустонии в его теле, так и стирание его из этого мира насовсем.

Чёрная воронка появилась из-за слияния всех «точек вхождения» в одну. Звучит банально, но это, как если бы с каждого органа взяли по кусочку и кинули в блендер, а затем сказали бы: «Эта жижка и есть ты». Брюс попал именно в такую ситуацию.

— Сколько... у него «точек вхождения»? — Даниэла сглотнула ком в горле.

— Больше тысячи, — послушно ответил ей сатир.

Девушка напряглась всем телом. Ощущения от слияния её двух жизней уже казались невыносимыми, а Яков столкнулся с воспоминаниями тысячей жизней, ворвавшихся в голову одновременно. *«С таким бэкграундом не удивительно, если он сойдёт с ума».*

— Сбои, как ты их назвала, стали с-следствием этого...

Силу и опасность маленького круговорота одной маленькой жизни нельзя было недооценивать. Разрушения медленно, но, верно, распространялись на всё, что окружало Брюса, как

вирус. Пока не распространилось бы вообще на всех и всё. Мелкие изменения вроде отката времени на сорок минут назад — цветочки, по сравнению с тем, что будет происходить дальше.

И Даниэла никакой не агент. Аспергиус просто цеплялся за любые возможности. Пока человек из «будущего» приходит в «прошлое», он тоже становится сбоем. Две ошибки могут временно сдерживать друг друга, но не известно, как надолго этого хватит.

Большую часть времени хранитель отсутствовал, потому что устранял «протечки» в этой хрупкой конструкции в лице Даниэлы, что он изо всех сил пытался удержать.

Он говорил что-то про необратимость, однако в действительности надеялся, что Даниэла просто будет следовать той траектории жизни, которую она знает, тем самым немного стабилизируя время.

По сути, девушка может вылечить себя, изготовив лекарство, она может спасти детей, помочь Брюсу добиться ещё больших успехов, выиграть все войны, сдав вражеские планы, но... тогда среди хаоса не останется ничего, что шло бы своим чередом. Мир как бы говорил ей: «Прости, я слабый. Я разрушаюсь. Знаю, что ты можешь вмешаться. Однако, прошу, не надо, иначе я расту».

«Не думала, что правда будет такой печальной. Легче было, когда я считала, что это невозможно», — она приложила руку к животу. Знать, что можешь спасти кого-то, но быть бессильной сделать это — отвратительно. Впрочем, Даниэла не хотела слишком сильно задумываться о том, чего ещё не произошло. В этой жизни она даже замуж не успела выйти, а о своей супружеской жизни знает лишь из писем будущего.

— В-вот так... Ты можешь сама увидеть эту воронку и создаваемые ею помехи, если расширишь в-восприятие...

— М-м-м.

— Муи-и-ннн-ааа-иии-сэика-майо?..

Скрестив руки на груди, Даниэла пристально посмотрела на Аспергиуса. И чем больше она смотрела, тем больше её накрывало бессилие: этот маленький козлик действительно, действительно не знает, что делать.

Шумно выдохнув, она сосредоточилась на потоках пустонии. Время словно застыло, все звуки исчезли. Внутренним взором она увидела огромное гнилостное скопление паров над городом, вызывающее ассоциации с Лондонским смогом. Тёмные потоки, подобно змеям или склизким разводам ила обвивали небосвод, не оставляя пустого места. Зрачки Даниэлы дрожали, а сердце неистово тарабанило в ушах, пока лицо пыталось сохранить некое подобие спокойствия.

— Сосредоточься на эпицентре и ты увидишь множество пут, идущих от него во все стороны, — Аспергиус депрессивно указал копытом на россыпь искажений. — Е-если пойдешь к центру, то найдешь Да-ра-лала ца-цаца м-илия. Он... вероятно, он сейчас поглощён кошмаром. Ночью, когда прочие смертные предаются сну, разум Брюса блуждает в искривлённом времени.

От слов Аспергиуса грудь девушки пронзила тупая, ноющая боль. Даниэла не ответила, однако искать эпицентр стала быстрее. Синие, небесные, почти прозрачные шелка оплетали её, и она их безжалостно отбрасывала, прогрызая путь в бездну. Вдруг, расширив восприятие ещё дальше, она наткнулась на длинную рябь, которая выливалась из чёрного сгустка возле земли. Рябь уходила в определённом направлении. Не долго думая, Даниэла надела обувь, накинула на плечи шерстяной платок и решительно распахнула ставни.

— Стой, стой, стой! Раз ты чувствуешь потоки пустонии, ты можешь путешествовать по ним, по любой из их точек, не передвигаясь... буквально. Ты что, собиралась серьёзно сбежать из дома посреди ночи? Тут же сплошная охрана! Прощу, прошу, прости, что не сказал сразу, всё постепенно!.. — завопил Аспергиус, и потянул себя за уши, — Я так виноват, что мне делать, какой позор!..

— У-успокойся, пожалуйста! — раздражённо шикнула она, прикусив язык до крови. От его криков у неё всё внутри заходило ходуном. — Как мне передвигаться по потокам? Не кричи только, пожалуйста.

— Попробуй п-представить, что встаешь на него. Как и-идёшь и идёшь вплоть до тех пор, пока тебе не покажется, что стоит остановиться... Я пойду следом, — всхлипнул он, — чтобы направить.

Даниэла представила, как ставит ногу на голубоватую широкую ленту, тянущуюся подле её ног. А затем... надо двигаться, прорываться вперёд до тех пор, пока рядом не окажется этот чёрный комок, из которого всё выросло. Рядом настолько, что можно было бы сделать всего пару шагов и оказаться втянутой в него.

Когда девушка открыла глаза, она поняла, что стоит возле чужого окна. Тёмная рябь тянулась в комнату. Ей даже не нужно было гадать, чья она. Снаружи стоять было холодно, а шубу она не взяла, поэтому Даниэла страстно хотела оказаться в тепле. Аспергиус отпер засов с внутренней стороны и девушка с разбегу прыгнула туда, неуклюже приземлившись на пол.

Это был рабочий кабинет. Брюс сидел в напряженной позе спиной к окну и, казалось, спал. Он не обернулся на шум, но близость другого человека заставила его принюхаться. Мужчина повернулся к ней лицом и тогда Даниэла увидела его распахнутые глаза без зрачков.

Брюс схватил её за руку и понюхал ладонь, затем потянул её на себя так, что она упала ему на колени, и уткнулся носом в её шею. Даниэла не успела опомниться, как сильный укус обжёг кожу между ключицей и сонной артерией. Мужчина будто сошёл с ума и изо всех сил впился зубами в её кожу, не отпуская, как бы она его не отталкивала.

— Яков Вилимович, Вы что, собака?!

Идеи проносились в голове скопом: она могла бы вонзить ему коготь в шею, но её ногти были недостаточно длинными для этого, или же потянуть за волосы, но она была не уверена, что сможет оттащить его, или же укусить в ответ... да, укусить в какое-то труднодоступное место, чтобы с первого взгляда след можно было списать на царапину, сделанную по случайности.

— П-почему ты так смотришь на него? М-мне страшно... — проскулил Аспергиус и закрыл глаза копытами.

Даниэла вцепилась зубами в основание уха. Хрящ хрустнул, когда челюсти сомкнулись вокруг него.

— М-м-мгх...

Боль ослабила его хватку, однако Брюс так и не проснулся. Даниэла сжала сильнее и отпустила лишь тогда, когда почувствовала во рту запах чужой крови. К этому моменту она уже могла легко отодвинуться сама. Аккуратно расцепив его пальцы, обвивающие её талию, девушка вырвала себя из плена рук.

— У-у-у... — стоило его ладоням опустеть, как Яков замер. Его голова неестественно накренилась, а изо рта вырвались звуки, похожие на гудение старого сломанного телевизора. Белые глаза, налитые кровью, уставились на неё.

— Вы... — Даниэла поджала губы, паника тугими верёвками скрутила её тело и приковала к одному месту. Она хотела сказать «Не злитесь» или «Вы сами виноваты», однако слова не выходили из горла. Они умирали, не успев сделать свой первый вздох.

— ЫиЫиЫ, — он пробормотал нечто нечленораздельно, после чего рухнул на рабочий стол.

— Ха... — Даниэла тяжело дышала. Она не заметила, как осела на пол и дрожащими пальцами ухватилась в кусок верхней одежды.

— Не думал, что ты... — Аспергиус подлетел к ней.

— Я вдоволь утолила своё любопытство. Пойдем отсюда! Быстро, сделай что-нибудь, — попятившись назад, она зажмурилась и на миг перестала подавать какие-либо признаки жизни.

С помощью пустоты хранитель помог ей подняться и выйти из комнаты, и всё шло гладко ровно до тех пор, пока они на обратном пути не столкнулись с ещё одним искажением.

Посреди улицы появился кусок переулка между двумя старыми зданиями, вставленный сюда как фрагмент из другого пазла. В этом фрагменте из земли росла спелая трава и сорняки — это очень странно смотрелось на контрасте со снежной столицей. В углу переулка, прижав ноги к телу, сидел мальчик, а рядом с ним, замотанный в серую робу, лежал кто—то ещё. Роба мерно вздымалась, периодически оттуда раздавался кашель.

— Кх-х-хр! Арпада-ба-ба-ба. (Вот чёрт! Это искажение появилось слишком внезапно! Разве это не грядущее лето? Ты не беспокойся, теперь оно само исчезнет через какое-то время.)

Однако ещё до того, как они успели пройти мимо, мальчик вдруг проснулся. Взгляд кристально-голубых глаз уставился на девушку в шерстяном платке поверх ночной сорочки. Его губы были очень сухими, а щёки — впалыми. Глядя на него, Даниэла вспомнила младшего брата: когда-то он её не боялся и смотрел так же доверчиво.

— Продай, но осторожно, — вытащив заколку, что удерживала её волосы в пучке, она кинула её мальчику.

Её волосы развевались на холодном ветру, взгляд был недобрый, даже мрачным. Она стояла в паре метров над землей, словно так и было задумано, и будто бы вообще не чувствовала холода.

«Кто ты?» — одними губами пробормотал он, явно ошеломлённый.

Даниэла устало произнесла:

— Женщина-Часы. Вместо сердца у меня механизм, который говорит, что тебе не нужно этого знать. Прощай.

Аспергиус ехидно подметил, прокладывая дорогу до особняка:

— Хоу-лоу ммм. (Со временем ты всё чаще будешь сталкиваться с искажениями, хорошо, если привыкнешь сейчас.)

— Ты меня сюда притащил.

— Прости-прости-прости, я, естественно, не брошу тебя одну! Не злись...

[1] русское ручное или артиллерийское оружие XVI–XVII веков.

Глава VI. Суету навести охота

Где-то в одной из книжных лавок на улице Уайтхолл в Вестминстере, торгующих не только книгами, но и всякими занятными вещицами, вроде китайского фарфора или старинных часов, торговка диковинками разбирала только-только полученные книги. На улице стоял туман, клиентов не было — из-за объявленного траура старухе Саре пришлось временно закрыться.

Один из её старинных приятелей, садовник в Уайтхолл, должен был прийти с минуту на минуту, чтобы поделиться сплетнями о том, как продвигается подготовка к похоронам королевы Марии. Они бы выпили чаю и поболтали немного. В жизни пожилой женщины было не так много развлечений — и эти периодические встречи были одним из них.

Сара уже заварила две кружки и оставила их на столике за шкафом с колышками для платьев. Горячий пар поднимался от кружек, принимая затейливые узоры. Старуха как раз в этот момент заглянула в кладовую и не видела, как за её спиной чай внезапно остыл, а стрелка часов неестественно переместилась на десять минут вперёд.

Даниэла же, сидящая в этот момент у себя в комнате перед зеркалом, и расчесывающая волосы, остановилась. Она посмотрела на гребень в руке, как будто спрашивала его: «Твоих ли это рук дело?». Так как от вещи ждать ответа не стоило, она закрыла глаза и сосредоточилась на потоках пустонии.

— Хм, — она приподняла бровь и несколько недовольно спросила, — Искажений стало больше? Ты вообще чем занимаешься?

Аспергиус, появившийся из-за её спины, почесал рога, выглядя при этом абсолютно невинно:

— Айе-е-е... уй? (Каждый месяц прибавляется где-то на... одно в день?) Уже январь, так что теперь их три.

— Если их всего по три в день, то почему бы тебе просто не исправлять их все по мере появления? Меня нервирует, когда они так неожиданно возникают, — Даниэла тяжело вздохнула, вернувшись к расчесыванию — это её успокаивало.

— Ты очень помогаешь мне! — воскликнул он, преданно смотря на неё.

— Чем же? Если тебе так нравится пугать, то я сделаю всё от меня зависящее, чтобы напуганной из нас двоих была не я.

— Постой, постой!.. Кхм, на самом деле, как я и говорил раньше, ты — ошибка, которая сдерживает другую ошибку. Так как в твоём теле сошлись несколько точек вхождения, то ты более чувствительна к изменениям во времени. Некоторые слабые искажения исчезают сами просто потому, что ты их замечаешь. Для всех остальных эти тонкие изменения будут восприниматься как само собой разумеющееся. Более сложные искажения убираю я.

— Как? Я ни разу не видела этого.

— Ты и не должна была! — Аспергиус хвастливо потёр нос, — Я плавно изменяю характер связи между пустонией. Если она начинает излишне колебаться, то я заставляю потоки рядом с источником колебаться с такой же «неправильной» частотой, чтобы синхронизировать их. Через какое-то время они вместе успокаиваются.

— Если не знать физику, всё выглядит как магия, — Даниэла поджала губы.

— Магия слишком широкое понятие в вашей культуре, и называть так пустонию — оскорбление! Самые крупные частички пустонии человечество обнаружило лишь в конце двадцатого века и до сих пор не смогло ими овладеть!

— Что за частицы?

— Вы называете их «кварки», — Аспергиус указал на золотые искры, летающие вокруг его рогов.

— Я знакома с историей настоящего, прошлого и будущего, но никак не с квантовой физикой. Я не помню, что такое кварки...

— Самая крупная частица пустоты, которую видят даже такие, как вы.

— Что-то прости? — девушка угрожающе хрустнула пальцами и ласково улыбнулась, однако взгляд её был отнюдь не дружелюбный.

— Н-ничего... Ты особенная для меня, ты же знаешь это, ха-ха? Я абсолютно точно не имел в виду тебя! — он нервно потёр копытца, — Если тебе так удобнее, то называй это хоть магией, хоть алхимией.

— Допустим, — она наконец встала и взяла из шкафа тоненькую книжку, — Тогда, есть ли ограничения у твоих сил, раз ты так стремишься экономить?

— Есть. Представь, что я экзамен.

— Хм.

— И каждое искажение — это ученики, которые меня решают. Мне нужно, чтобы все написали тест на отлично, но на то, чтобы двоечник угадал все ответы и решения, потребуется больше моих сил — возможно, мне даже придётся захватить его разум и отвечать вместо него. С отличником проблем меньше — достаточно чтобы строгая учительница Даниэла заметила, что он мыслит неправильно, и отличник вернётся к изначальному курсу.

— Откуда у тебя вообще появилось представление об экзаменах?

— Я... ну... часто наблюдал. У людей жизнь разнообразнее, чем у нас, — на миг он будто затерялся во воспоминаниях, но затем сразу вернулся к норме, — Всего десять известных мне видов искажений и самые серьёзные из них появляются крайне редко.

— Сколько максимально ты сможешь исправить самых слабых и самых сильных искажений одновременно?

— О-около шести сильных или сто слабых... — Аспергиус напрягся, увидев, как Даниэла задумалась о чём-то. На её лице отобразилось, что она делает тонкий расчёт.

— Если каждый месяц количество искажений увеличивается на один, а сейчас уже три, то к маю ты уже не будешь справляться, если одновременно появятся шесть сильных искажений.

— Такое вряд ли произойдёт...

— К концу года будет уже пятнадцать в день. К 1697-му — двадцать семь. К 1700-му — больше шестидесяти. И моя помощь ограничена. Такими темпами дожить до смерти уже проблема... — Чем больше Даниэла говорила, тем больше захлопывала для себя крышку гроба. Она всё ещё не забыла, что в течение пары лет заболеет чем-то. А ведь если не найти выход из ситуации, то и её милые сёстры, а также непутёвый отец тоже пострадают.

— Ну, мы придумаем что-нибудь, верно? Хотя, конечно, тебе меня не жалко, всё равно, что я умру, да? Но ради себя и своей жизни подумай об этом. В твоих же интересах... да?

Аспергиус ушёл, а Даниэла уже не могла ослабить гнетущие мысли.

«Что я могу? Что я вообще могу, кроме того, чтобы присматривать за Брюсом? А ведь уже это неплохо... после свадьбы надо держаться к нему поближе и присматривать. Может, обнаружу что-то. Вскоре после свадьбы он уйдёт в поход на Азов и мы долго не увидимся. Если что-то произойдёт, то я не узнаю. Тогда, может мне просто... последовать за ним?»

Тем временем в Лондоне, в одной книжной лавке, две кружки горячего чая распивала пара пожилых людей, шепча сплетни о пропавших чёрных платках с Вестминстерского аббатства.

Несмотря на то, что Рождество они отпраздновали еще в конце декабря, всегда было приятно погулять на январских гуляньях в городе, однако Устинью хватило на пару — тройку

дней активных выходов и её внутренний заряд иссяк. Поэтому все оставшиеся дни она провела за чтением, запершись в своей комнате.

До свадьбы сестры ей особенно хотелось погрузиться в атмосферу романтики. Свадьбой начинаются романы по контракту, и ей же заканчиваются любовные романы. Рукописные заметки о любовных похождениях знатных дам передавали из рук в руки и копировались вручную. Устинья сделала себе копии всех известных бульварных романов, гуляющих по городу.

В целом, те, кто их читал, в этом не признавались. Устинья же была уникалом — она читала и не скрывала.

Читая книги, она научилась многое подмечать. И иногда ей казалось, что старшая сестра немного изменилась. Обычно она была более капризной и, пусть и великолепно владела этикетом, за глаза всегда могла осадить любого.

— Сестра так изменилась, потому что влюбилась в этого Брюса? — спрашивала она сама себя, закрывая половину лица книгой.

— Она просто... повзрослела, — отозвалась Авдотья, сидящая на полу как тень, — Было бы странно, если бы Марфа никогда не менялась.

— Думаешь?

— Думаю, — Авдотья посмотрела на свои руки исподлобья, — Возможно, к этому привели её уроки пения. Я послала служанок разузнать, какие слухи ходят о нашем зяте, однако...

— Что там, что там?! Надеюсь, что-то интересное! Тогда мы расскажем сестрице и у неё будет преимущество в супружеской жизни!

— Не перебивай меня, — прокашлялась Авдотья, — Так вот, его сестра, по слухам, пела как ангел. Возможно, Марфа именно поэтому уже которую неделю мучает наши уши.

— Вот как... Елизавета Вилимовна, да? Она была близка с младшими братьями?

— В слухах этого нет, но после обеда в семье Балк я в этом не сомневаюсь. Елена Юрьевна очень много говорила о ней... Кажется, она тяжело пережила её потерю.

— Да-а-а, — Устинья отбросила книгу, раскинув руки в стороны, — Тогда что уж говорить об остальных? Тогда получается, едва подошёл конец семейного траура, как царь сосватал его. Дуняша, как думаешь, Якову Вилимовичу искренне понравилась сестра?

Авдотья ответила не сразу:

— Думаю, что да, — она отложила пяльца с иголкой и сложила руки перед собой в молитвенном жесте, — Я буду молиться Богу, чтобы она была счастлива с ним.

— Я с тобой! — Устинья под села к ней и села в ту же позу напротив, — Скоро уже она пойдёт под венец. Дай, Господи, чтобы всё прошло благополучно!

— Да будет так.

В Грановитой палате Кремля проходило награждение по результатам пребывания в Поморье. Брюс с соратниками помогли воеводе Апраксину со строительством судоверфи в Архангельске, закладке первых кораблей, за что удостоились повышения.

Пётр Алексеевич и его брат Иван Алексеевич восседали на двойном серебряном троне. Пётр был полон сил и юношеской энергии, в то время как братец выглядел болезненно. Он был похож на лик с иконы своими охровыми щеками и большими печальными глазами.

Пока думный дьяк зачитывал указ о награждении и пожаловании чинов, Яков успел пару раз тайком зевнуть. Голос у дьяка был монотонный и тяготный, и Пётр сам еле сдерживался от зевка.

Были приглашены командиры как иностранных, так и русских войск.

Ещё на обратной дороге в Москву Пётр обмолвился, что официально присудит чин. Якова коллеги уже называли майором, и отношение было соответствующим, однако сам он

отнекивался до последнего. Дело было не в том, что он такой скромный, нет. У Его Царского Величества переменчивый характер, поэтому неизвестно, как бы он отреагировал на слухи. Мог и посмеяться, и наказать всех за то, что позволили их распускать.

Семья гордилась его успехами, однако никто лучше него не знал, что кроется за маской царя. Стоит признать, относился Пётр Алексеевич к нему и правда хорошо, даже по-братски. В армии вёл себя просто, однако всякий намёк на пренебрежение в официальных кругах пресекал. Гостил у него дома и выпивал, однако уже завтра мог отдать жёсткий приказ.

В современности это назвали бы «отличное разграничение личной жизни и работы», однако Брюс таких терминов не знал.

— Майор Брюс, подойдите для вручения указа.

Пётр лично вручил ему в руку бумагу, подписанную двумя царями. Помимо официального присуждения чина, ему также полагалось увеличить годовое жалование.

— Пойдёшь в составе сухопутного отряда[1]. Мой учитель объяснит всё. Скоро с купцами придут твои приборы, — прошептал царь, похлопав его по плечу.

— Я уже говорил с генералом Гордоном. В каких числах ждать привоза, милостивый мой государь?

— После свадьбы-то твоей точно придут. Ну, жди-с, устрою я тебе веселье!

— Ваше Царское Величество, пощадите. — Брюс вежливо поклонился Петру и, пока никто кроме царя не видел, тихо рассмеялся в кулак. После же подошёл к Ивану Алексеевичу и отдал стандартный этикетный поклон.

За ним наградили ещё людей. Например, Тиммермана, Вейде и Виниуса — все это были заморские инженеры из Кукуйской слободы. Братца Романа тоже порадовали — он стал капитаном, торжественно получив под своё командование роту Преображенского полка. После церемонии было устроено знатное застолье.

Иван Алексеевич ушёл, а Пётр снял с себя придворные мантии и присоединился ко всеобщему веселью. Яков и Роман успели выпить со всеми по кругу, через руку, через голову и даже через ноги.

В какой-то момент братья разделились и болтали каждый со своим кругом людей.

К Якову подходили и те, кого он видел, но имени не помнил. Они поздравляли его либо с искренностью, либо с завистью. Майор каждому отвечал с улыбкой.

Позже подошёл Фёдор Юрьевич Ромодановский. С Главой Преображенского приказа они иногда общались, можно сказать, притворялись. Как родственник Петра Алексеевича, Фёдор Юрьевич имел особый статус.

— Поздравляю Вас.

— Премного благодарен.

— Пётр Алексеевич крайне доволен Вами, так что не посрамите это доверие.

— Я буду предан царю до гробовой доски, — он чуть склонил голову, приложив кулак к груди.

— Ясно-преясно. Давайте как-нибудь выпьем с Вами, Яков Вилимович, заезжайте в гости, — Фёдор Юрьевич растянул уголки губ в подобие улыбки, по-прежнему выглядя как тигр, сбжавший из клетки и лишь притворяющийся цивилизованным, — За Ваше здоровье. Надо поприветствовать нашего нового капитана, я откланяюсь, — он протянул штоф с водкой перед собой.

— И Вам здоровья, — Яков чокнулся с ним, залпом осушив стакан.

Вечером Брюс вернулся в особняк. На входе он сразу встретил своего старого дядьку Никифора. Андрюшка следовал за ним на приём и сопровождал обратно.

— Вам приготовить воду?

— Нет, — Брюс стянул платок с горла и отбросил его в сторону, — Тазика для ног хватит. Я крайне устал.

Андрюшка убрал все его церемониальные предметы обратно в шкаф и пошёл к себе. Старик же спросил, забирая его верхнюю одежду:

— Куда Вам его поставить?

— В мой кабинет.

— Вы снова будете спать в кабинете?

— Много неразобранных писем, надо будет дать ответ царю.

— Не бережёте Вы свое здоровье, Яков, родненький... Будете ли Вы вести себя также, когда здесь поселится Марфа Андреевна?

Брюс тяжело вздохнул, бросив задумчивый взгляд в сторону:

— Принеси воду и ложись отдыхать. Ты стар, надо беречь своё здоровье.

— Пререкаетесь... Понял Вас, — старик покачал головой и пошёл греть воду.

Брюс же вернулся в кабинет. На столе у него лежала не гора писем, а иностранные книги, научные изыскания и... сонники. Увидев весь этот беспорядок, он снова вздохнул и медленно принялся разбирать всё.

«Торжество через несколько дней, а я так и не нашёл решения.»

Кошмары сводили Брюса с ума. В этих снах он видел тёмное небо, бесконечные тела, кровь, а ещё странные высокие башни, сделанные из куска неба, и огромные летающие тарелки из металла. Ещё он видел одну женщину. Он не мог разобрать черты её лица, однако с Марфой Андреевной они были чем-то похожи. Увидев будущую жену вживую, Брюс, пусть и не показал этого, немного испугался. Раньше он видел только ее портрет, и таких чувств у него не возникало.

Она, несомненно, красива и умна, но всё же незнакомка. Однако почему-то он чувствовал с ней невероятную близость и манию. И порой говорил такие вещи, что сам удивлялся, как мог так бесстыдно заигрывать с женщиной. Яков считал себя добропорядочным и честным мужчиной, поэтому подобные «бзики» его доводили до трясучки.

«Всё эти чёртовы кошмары», — часто бормотал он.

В первую такую ночь он проснулся раньше обычного и долго смотрел на осколки вазы, которую его отец подарил матери на день рождения. С тех пор Брюс каждую ночь запирался в кабинете и никому не открывал.

А пару недель назад он вообще испугался за свою жизнь. На утро ухо его было разодрано, а на столе валялись клочки волос вперемешку с кровью.

— Неужто приступы дошли до того, что я стал калечить себя? — он прижал израненное ухо и глубоко вдохнул, стараясь привести себя в порядок. Вообще-то, он жутко тревожный. Обычно нужно держать лицо, поэтому всё, что нельзя сказать, скапливалось в мыслях и в какой-то момент стало похоже на свалку.

— Лучше умереть, чем искалечить жену в брачную ночь... — он глухо застонал, впечатавшись головой в стол, — Какой позор! Может, мне просто не спать? Точно, дождусь, пока она заснёт и уйду в кабинет, а на утро проберусь обратно.

В последние дни страх того, что его возненавидит жена сразу после свадьбы был сильнее, чем радость от повышения.

И рассказать никому нельзя — подумают, что прокляли или чего хуже. Отвращения от сослуживцев не избежать.

— Буду избегать её как можно дольше. Сейчас ещё и к походу подготовку вести, так что у меня есть вполне себе веские оправдание...

В этот момент в кабинет постучали. Зашёл старый дядька с деревянным тазом, наполненным горячей водой.

— Грейтесь, Ваша милость. Добрых Вам снов.

Яков хмыкнул:

— И тебе, Никифор Степанович, и тебе.

[\[1\]](#) См. глава 2

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.